

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВА

П.А. Александров

РЕЧЬ ПО ДЕЛУ САРРЫ МОДЕБАДЗЕ

П.А. Александров

Описание дела

Господа судьи! 4 апреля в селе-нии Перевиси исчезла, неизвестно куда, приближавшаяся к шестилетию своей жизни Сарра Модебадзе. На другой день – слилат-дам – крова-вый навет, столь памятный еврей-ству по средневековым кострам, пыткам, мучениям и гонениям всякого рода, – грозным эхом пронесся по всей сачхерской дороге и встревожил мирное сачхерское еврейское насе-ление. Правда, ничего было опасать-ся костров и пыток, но смягченные бедствия новейшего времени, – в виде грозного самосуда народной

толпы, вызванного местью исповедующих иную веру, и не всегда разборчи-вого в своих основаниях напрасного обвинения, привлечения к следствию и суду, предварительного тюремного заключения, – все же бедствия и тяжкие бедствия, с которыми приходится считаться. Если опасения народного само-суда оказались в настоящем случае преувеличенными, если казаки, прислан-ные шарапанским уездным начальником на случай столкновения между ме-стными христианами и евреями, не имели повода действовать, то опасения другого рода – в виде предварительного следствия, подозрения, обвинения, тюремного заключения – к несчастью, оказались вполне справедливыми. Девять сачхерских евреев, оторванные от своих домов и семей, от своих заня-тий, были привлечены к следствию по тяжкому и грозному обвинению и увеличили собой население местной тюрьмы; пять из этих девяти до сих пор томятся там уже десять месяцев. Тяжелое время пришлось пережить подсу-димым. В долгий период предварительного следствия, в борьбе за свою не-виновность, в борьбе с убеждением следователя и прокурора, бывшим не в их пользу, под тяжким гнетом многочисленных свидетельских показаний, ста-равшихся поддержать составившееся против них предубеждение, в этот тя-желый период внутренних страданий и внешних лишений, лишенные воз-

возможности относиться к своему положению с спокойствием постороннего наблюдателя, они в непоколебимом сознании своей невинности, с недоверием, с упреком, с подозрением, с жалобой относились ко всем, кто держал судьбу их в своей власти; и к лицам, производившим дознание, и к судебному следователю, и к прокурору, которые, думали они, действуют против них с предубеждением, вопреки очевидной истине и справедливости. Даже переводчику, переводившему показания свидетелей на языке, им не понятном, перестали они верить и в нем видели своего врага, устраивающего их гибель. Но все эти подозрения, несправедливые сами по себе, но весьма понятные в том положении, в котором находились эти несчастные заподозренные, не шли дальше порога вашего суда. Инстинктивно чувствовали они, что есть справедливость и истина на земле, что их невинность должна выясниться, что если ближайшие в то время к судьбе их лица не видят или не хотят видеть той истины, то стоит только делу их подняться выше, — и туман, одевавший его, рассеется, будет свет, и истина раскроется.

В окружном суде, говорили они судебному следователю, свидетели докажут нашу невинность. В долгие дни тюремных страданий они успокаивались на мысли о вашем суде, они ждали дня судебного, как дня решительного их оправдания. Шесть Дней шел суд, шесть дней вы внимательно шаг за шагом изучали подробности настоящего дела и нынешний день, день седьмой, не есть еще для вас день покоя и отдыха от понесенного труда, отрадны были для меня эти дни, проведенные с вами здесь, в этой судебной зале, они и останутся для меня навсегда отрадным воспоминанием в моей жизни. Я видел труд, внимательный, неустанный труд, который каждый из вас приложил к рассмотрению, к изучению, к оценке каждого из представлявшихся вам судебных доказательств. Я понял, господа, ту тяжелую ответственность, которую вы должны нести в глубине вашей совести, творя суд и правду. Для вас, господа, недостаточно составить убеждение в вашей совести, вы должны реализовать это убеждение в ясных постороннему пониманию мотивах, которые могли бы быть поверяемы, обсуждаемы и оцениваемы со всех сторон; вы принуждены основывать ваше убеждение на тех неуловимых, но часто весьма решительных данных, которые производят в судье то или другое убеждение о деле; вы должны найти для вашего приговора такие основания, которые бы укладывались на бумаге, которые могли бы быть оцениваемы и поверяемы, если та или другая борющаяся пред вами сторона станет в высшем суде подтверждать или опровергать справедливость вашего приговора. Нелегко было добывать такие данные в настоящем деле. Наряду с самым наглым лжесвидетельством вы встретились с крайним тупоумием, печальной умственной слепотой, первобытной простотой знаний и суждений по самым обыкновенным предметам. В вопросах, где время и пространство значило все, вы выслушивали людей, измеряющих время и пространство способами, достойными населения дикарей. Где были дороги минуты и вершки,

вам отвечали: скоро, нескоро, далеко, близко, не знаю – не мерил, пока дойдешь – так устанешь, утром, около вечера, в обед, после самхрада (послеобеденный завтрак) и т. п. Сорокалетняя женщина сказала вам, что ей 13 лет; дряхлая старуха, желая обратить ваше внимание на ее преклонную старость, ничем не могла лучше выразить это, как сказавши, что она так стара, что ей уже больше сорока лет. Вот с какими свидетелями пришлось вам иметь дело в вопросах о времени и пространстве. Не лучше было и по другим вопросам – вопросам, например, вокальным. Припомните сачхерскую группу, которая должна была свидетельствовать о детском крике и стоне. Но трудности поддались упорному труду, и я теперь могу сказать с полным убеждением, что дело ясно, что истина, нужная для судебного убеждения и долженствующая воплотиться в вашем решении, раскрыта и разъяснена до такой степени, что это решение не может уже составлять предмет недоумения и спора, а есть только вопрос времени, может быть, нескольких слов. При таком положении дела самая лучшая и наиболее соответствующая защитительная речь могла бы заключаться в самой краткой фразе: мне не остается ничего более сказать вам. Молчание защиты в настоящую минуту было бы самой красноречивейшей и вполне убедительной защитой; но настоящий процесс не есть процесс этих четырех стен.

Его желает знать Россия, о нем будет судить русское общественное мнение. Не для вас, господа судьи, для тех, кто, не присутствуя при ваших усилиях раскрыть истину и выяснить дело, кто, не зная, да и не желая знать оснований вашего убеждения, наперед уже готов наглой клеветой осквернить приговор ваш, если он будет против их грязных вожеланий; для тех, кто захочет искать в нем тех низких мотивов, над уровнем которых он сам никогда не поднимется... да и не для них, – когда их просвещал свет истины и правды... для тех, кто пожелает без предвзятого взгляда узнать истину настоящего дела, для тех, кто пожелает поискать в нем оснований для критики старого предубеждения – предубеждения суеверного и питающего племенную рознь, для тех, кто пожелает найти в судебном решении урок и полезное указание для будущего отношения к еврейству, – позвольте еще раз в общих контурах и очертаниях провести пред вами все то, что в мельчайших подробностях прошло пред вами в минувшие шесть дней неустанного труда, что уже изучено, взвешено, рассмотрено и оценено вами. Когда я изучил предварительное следствие по настоящему делу, я не мог не быть поражен той массой труда, энергии, силы, которые вложены в это дело. Чего здесь не было сделано! Три раза вырывали из земли погребенный труп Сарры, два раза производимо было его судебно-медицинское вскрытие, в судебно-медицинской экспертизе приняли участие представители высшего медицинского персонала здешнего края. Осмотрены были многие местности – и та, где найден труп Сарры, и та, откуда она исчезла, и тот путь, по которому проезжали евреи, – линии садзаглихевской и сачхерской дорог, многие местности сняты на плане. За один из этих планов моя

глубокая признательность судебному следователю. На плане местности сад-заглихевской дороги, среди его геометрических линий и арифметических вычислений расстояний, я вижу крупными буквами написанный оправдательный приговор для всех подсудимых. Экспертиза по делу не ограничилась медицинскими вопросами; она затронула и другие предметы, другие чрезвычайные и своеобразные вопросы. Козлов измеряли и в ширину, и в длину, и в высоту. Невинных младенцев сажали в сумки, приводя их в такое положение, в котором удобно только в утробе матери. Их только не провезли в этом положении хотя бы небольшую часть сачхерской дороги. А жаль! Тогда с поразительной очевидностью представилась бы справедливость соображений эксперта Гульбинского, высказавшего вчера свое мнение о невозможности провоза Сарры в этом положении и при тех условиях, как предполагает прокурор. Тогда, быть может, не явилось бы на суд и то обвинение, которое теперь приходится судить вам. Спрошено было свыше 150 свидетелей, собораны, по-видимому, улики по всем мельчайшим обстоятельствам обвинения, и тем не менее в существе своем и в основаниях обвинение не перестает быть неясным, шатким, недостаточным или прямо несбыточным.

Когда я затем подхожу к обвинению, как оно выразилось в обвинительном акте, поддерживаемом и здесь, на суде, во всей его целости, я вижу здание, с виду величественное, обширное, сложное, я вижу стиль и единство в деталях, я готов заподозрить даже я присутствие в нем художественной правды: здание готическое, зубчатые линии, как лес мачт Миланского собора, бегут в небеса; на каждой остроконечности повисла улика против нас, крупные доказательства в виде скульптурных фигур расположились в нишах здания. Вот на западе у входа семейство Модебадзе со своим главой Иосифом, отцом Сарры. Иосиф Модебадзе с кошельком в руках. Я думаю, не ошибка ли? Зачем здесь эта фигура с классическим кошельком, – фигура, которую мы обыкновенно видим в группе двенадцати. Не отсюда ли она, от той случайно разрозненной группы? Но мне говорят – это гражданский истец, и мое недоумение разъясняется. Вот другая группа – семейство Цхададзе, соседи Модебадзе, готовые по соседской приязни послужить своим свидетельством видам и вожелениям гражданского истца. Оно так услужливо склонялось в его сторону. Я вижу фигуру Дмитрия Церетели; он весь огонь и ревность, он видел дальше всех, он видел то, чего никто не мог видеть. Боюсь, чтобы его пыл и усердие не испортили гармонию и согласие свидетельских показаний. Рядом с ним Григорий Григоров Модебадзе; он руками изображает пространство между двумя группами проезжавших евреев – ту западную, в которую, по его словам, попала Сарра, – снова боюсь, чтоб эта западная не стала западной для обвинения. Выдвигается фигура Григория Датикова Модебадзе; он как будто готов подвинуться назад, он сам не убежден в прочности своей постановки, но его словам дано выдвигающееся значение, и обвинением он крепко прикован к месту. Замечаю Бесо Гогечиладзе, испытую-

щего и вопрошающего, что движется в еврейской сумке; фигура, полная думы, точно Галилей перед вопросом о движении земли. Вокруг купола расположилась группа сачхерских дам с Максимом Надирадзе; они все – слух и мудрая догадка. Много и других характеристичных фигур, – я встречу с ними впоследствии. Но теперь мои глаза падают на фундамент здания, и зловещее предчувствие закрадывается в мою душу; я вижу крайнюю непрочность, легкость, шаткость оснований, поддерживающих здание. Я вижу роковую архитектурную ошибку в фундаменте и заключаю, что как ни артистично смотрит здание, – оно недолговечно, оно должно пасть при первой невзгоде, при первом потрясении его оснований. К этой проверке, к этому испытанию оснований я и перехожу.

Для основательности обвинения в похищении необходима наличность всех тех условий, при которых только и может совершиться похищение. Первое такое условие относится ко времени и месту. Необходимо доказать, что похититель и предмет похищения сошлись в одно и то же время в одном и том же месте и находились в такой один от другого близости, чтобы похититель имел возможность овладеть похищаемым предметом. Нет этого условия, – похищение невозможно. Господа судьи, слушая меня, вы можете подумать в эту минуту, что я говорю не перед судьями, что я забыл о суде и примером объясняю 12-летнему юноше элементарные правила логических умозаключений и выводов. Да, это можно подумать. Но я вынужден спуститься до такой простоты, так как в основаниях и выводах обвинения я именно усматриваю забвение одного из самых элементарных правил логического умозаключения. Обвинение именно забыло об условиях времени и пространства, как необходимых условиях похищения, и в этом его печальная ошибка. Была ли Сарра Модебадзе во время проезда евреев по садзаглихевской дороге в такой близости к проезжавшим евреям, что могла быть ими похищена? Обращаюсь к показаниям свидетелей тех самых, на которых опирается обвинение, которых оно считает свидетелями, в достоверности подтвердившими здесь свои прежние показания и осятившими их присягой. Бесспорным признается, что евреи проезжали по садзаглихевской дороге, что проехали двумя группами: одна группа прежде, другая после, и что место выжигания белил, где находилась Сарра в минуту появления евреев, было от места этого появления в сторону на расстоянии нескольких десятков сажен. Мои слова далеко не были бы лишены оснований, если бы я стал доказывать, что Сарра не отлучалась с места выжигания белил, где она была возле Турфы Цхададзе, даже и при появлении второй, позднейшей группы евреев. Я мог бы это утверждать на основании показаний Май Модебадзе и Елизаветы Цхададзе. Обе они утверждают, что они были на месте выжигания белил во время появления параллельно с этим местом первой группы евреев, что в то время возле них были и Турфа Цхададзе, и Сарра Модебадзе, и что в это время Турфа не имела никакого разговора с проезжающей группой евреев. Вторая

группа проехала после ухода Май Модебадзе и Елизаветы Цхададзе в лес. Как Турфа Цхададзе, так и другие свидетели утверждают, что Турфа разговаривала с евреями, спрашивала у них, не продадут ли они товар. Следует заключить, что Турфа говорила со второй группой. А так как она после разговора с евреями, по ее собственным словам, говорила потом с Саррой, объясняя ей, что если бы она пошла к евреям, то они дали бы ей платё и увезли бы ее, то очевидно, что Сарра могла пойти на садзаглихевскую дорогу лишь после проезда по ней второй, последней группы евреев, которых она, как я сейчас докажу, не могла догнать. Так как других евреев, кроме этих двух групп, в то время по дороге не проезжало, то, следовательно, и нельзя говорить о возможности похищения Сарры евреями. Но если даже допустить возможность ошибки в показаниях Май Модебадзе и Елизаветы Цхададзе, если предположить, что Турфа разговаривала с первой группой евреев и что Мая и Елизавета только случайно не слышали ее разговора, находясь, однако, возле нее, если сделать эти уступки обвинению, то и тогда еще останется длинный ряд свидетельских показаний, сопоставляя которые и соображаясь с местностью, как она измерена судебным следователем, я не затрудняюсь показать, что Сарра не могла быть похищена евреями, потому что она не могла быть во время их проезда вблизи них, и что, следовательно, детские крики, которые были слышны на садзаглихевской дороге, никак не могли быть ее криками.

В самом деле, установим факты, которые занесены в обвинительный акт прокурора. Две группы проезжавших евреев распределялись таким образом: одна в четыре, а другая в три человека. В первой группе было трое конных и один пеший, тут же был и козел, что подтверждается рядом свидетельских показаний, а именно: Май Модебадзе, Елизаветы Цхададзе, Павла Цхададзе, Дата Цхададзе и Сино Церетели, которые все говорят, что впереди ехало четверо евреев. Григорий Датиков и Григорий Григоров Модебадзе также видели, что в первой группе было четверо евреев, и что эта группа везла козла в сумке. Производивший дознание полицейский пристав Абашидзе говорит, что при первом приступе к дознанию он удостоверился, что проехало две партии евреев, первая в четыре, а вторая – в три человека. Со всеми этими вполне одинаковыми показаниями не согласуются только два показания. Я не хочу оставить их без рассмотрения и оценки. Свидетель Коджаие говорит, что впереди проехала группа из трех, а позади из четырех; козла он не видел ни в той, ни в другой группе, но был туман, объясняет он, и он не всматривался, что везли евреи. Показание Коджаие, не согласное с другими свидетельскими показаниями, я объясняю ошибкой и запамätованием, весьма возможным по прошествии почти года. Тем более я имею основание к такому заключению, что в показании своем, данном на предварительном следствии и им собственноручно писанном, Коджаия, как и прочие свидетели, утверждал, что впереди проехала группа из четырех евреев. Турфа Цхададзе, утверждая также, что впереди проехало четверо евреев, го-

ворит, однако, что козел был во второй группе. Но это единственное показание о местонахождении козла в группе трех опровергается всеми остальными единогласными относительно этого предмета свидетельскими показаниями. Впрочем, Турфа — это та свидетельница, о которой сам прокурор выразился по заслушании ее на судебном следствии, что она или по старости лет, или по запятованию, или почему-либо другому совершенно не способна давать показания.

Таким образом, за исключением Коджаие и Турфы, всеми остальными свидетельскими показаниями установлен тот бесспорный факт, что впереди проехало четыре еврея, и что с ними был козел. Этот факт, как вы знаете, весьма важен, так как показания всех свидетелей, слышавших впоследствии детские крики, относятся к этой группе, которая была из четырех, и при которой был козел. Определим теперь расстояние, в котором находилась Сарра от проезжавших евреев. Место выжигания белил было в стороне от садзаглихевской дороги. Чтобы выйти с этого места на дорогу, нужно было предварительно взойти на тропинку, которая в виде кривой линии выходила на дорогу. Эта кривая линия может быть принята как третья сторона треугольника, две остальные стороны которого составляют: 1) прямая линия от места выжигания белил на садзаглихевскую дорогу в виде перпендикуляра к этой дороге; точка прикосновения этого перпендикуляра к дороге означает место, параллельное месту выжигания белил и на котором были в первый раз усмотрены евреи при проезде их по дороге и с которого они разговаривали с Турфой; 2) вторая сторона, идущая по дороге, есть прямая линия от соединения упомянутого перпендикуляра с дорогой до пункта соединения с этой же дорогой тропинки, ведущей от места выжигания белил. Демонстрируя пред вами на плане во время судебного следствия, я определил протяжение тропинки в 81 сажень.

Вы имели возможность убедиться, что вычисление мое умеренно. Но, чтобы быть еще более уступчивым, я приму протяжение тропинки как равное перпендикулярной линии, оказавшейся, по измерению судебным следователем, в 66 сажень, и, прибавляя к этим 66 сажням еще 6 сажень расстояния от места выжигания белил до тропинки, я заключаю, что для выхода на садзаглихевскую дорогу в месте соединения этой дороги с тропинкой Сарра должна была пройти 72 сажени, по самому умеренному расчету. Между тем до этого же пункта, начиная с которого только и возможна становилась встреча евреев с Саррой, евреям оставалось только проехать 42 сажени. Сарра, очевидно, не могла опередить их, не могла сойтись с ними на дороге в одно время, так как для этого она должна была бы идти вдвое скорее, чем конные евреи. Первая группа евреев должна была, следовательно, проехать раньше выхода Сарры на дорогу. Так как детские крики, по единогласным свидетельским показаниям, относятся к первой группе, при которой был козел, а следовательно, и похищение Сарры могло быть совершено только первой группой, то спрашивается, где же эта группа могла встретить Сарру?

Не поджидали ли ее евреи на дороге? Но этого не предполагает и само обвинение, которое в похищении Сарры не усматривает заранее обдуманного и подготовленного плана. Никто не видел, чтобы евреи останавливались по дороге во все время следования их через селение Перевиси. Дмитрий Церетели видел, что они остановились на короткое время и подвязывали сумку уже в 180 саженьях от тропинки, между тем как раньше в 72 саженьях Григорий Датиков Модебадзе слышал детский крик и видел проезжавшую группу четырех евреев. Все свидетели говорят, что евреи ехали шибко на лошадях. Коджая и Сино Церетели удивлялись, как пеший еврей успевал не отставать от конных. Евреи нигде не хотели останавливаться: они не приняли приглашения Турфы продать ей товары, говоря, что они спешат, а ведь во время их разговора с Турфой Сарра еще не была похищена и была от них в 66 саженьях в сторону. Евреи действительно имели повод спешить. Завтра наступал канун еврейской пасхи; они везли домой необходимые хозяйственные припасы к празднику, им нужно было вовремя поспеть домой, чтобы семейства их могли успеть сделать необходимые приготовления. Доказывая, что Сарра не могла встретиться с евреями на дороге, я употребил несколько грубый прием сравнения расстояний в 42 и 72 сажени. Я прошу вас теперь сообразить, что 42 сажени было расстояние для ехавших, хотя бы только шагом евреев, а 72 сажени для Сарры, 6-летнего ребенка, хромого, ходившего медленно и с трудом, как говорят это все знавшие Сарру. Путь для Сарры был под гору, что для хромого гораздо труднее ровной дороги. Если предположить, что шаг Сарры вдвое меньше или вдвое медленнее, чем шаг лошади или взрослого человека, то 72 сажени для Сарры по самому умеренному расчету равняются 144 саженьям для евреев. Не следует забывать, наконец, что евреи, разговаривая с Турфой, не останавливались и продолжали путь, что после разговора с ними Турфа разговаривала с Саррой, которая была еще возле нее и никуда пока не уходила, что с Саррой затем разговаривала ее сестра, что если на все это было потрачено две минуты, прежде чем Сарра удалась, то в эти две минуты евреи успели уйти вперед хоть на 100 сажень, а следовательно, опередить появление ее на дороге по крайней мере на 230 сажень.

Таким образом, оказывается, что, прежде чем Сарра могла выйти на садзаглихевскую дорогу, евреи уже миновали селение Перевиси и были далеко впереди Сарры. Это соображение простое, оно основано на измерениях, сделанных следственной и обвинительной властью на плане, снятом судебным следователем и подтверждаемом актом осмотра местности, на показаниях свидетелей, которым верит и прокурор и которых он ставит в основание своих обвинительных доказательств. Это соображение было упущено, и упущение это составляет ту печальную ошибку, которая породила настоящее обвинение. Это же соображение, поставленное теперь в конец, непоправимо разрушает обвинение в его основе. Этим соображением я доказываю, что не только Сарра не была похищена евреями и именно первой группой,

против которой и сводятся улики, но и не могла быть похищена. С этой минуты мне остается иметь дело не с обвинением, в основе своей разрушенным, а лишь с обломками обвинения, которые я должен смести с моей дороги, чтобы очистить путь к оправдательному приговору. Всей силой моего убеждения я опираюсь на проведенное соображение. Напрасно, поверяя прочность этого соображения, я ищу возможности какого-либо объяснения встречи Сарры с евреями. Я не нахожу объяснения. Или мысли мои путаются, или в каком-то странном тумане блуждают мои соображения, и я не вижу очевидного, или роковая ошибка на стороне обвинения. Просветите меня, прокурор, если я заблуждаюсь; разъясните мне, каким образом Сарра могла попасть в руки первой группы евреев. Ведь никто не говорит, что евреи оставались и поджидали Сарру, что она сама условилась выйти к ним. Напротив, по смыслу всех обвинительных доказательств, видно, что только нечаянная, неподготовленная заранее встреча с Саррой обусловили ее похищение.

Очищая предстоящий мне путь, я останавлиюсь прежде всего на показании Дмитрия Церетели. Я прямо называю этого свидетеля самым достоверным лжесвидетелем. Он слишком поусердствовал в своих показаниях. Он говорит, что видел Сарру на садзаглихевской дороге впереди обеих групп евреев. Выходит, по его показанию, что Сарра вышла на дорогу еще ранее появления евреев. Но это опровергается показанием всех прочих свидетелей – и семейства Цхададзе, и сестры Сарры – Май Модебадзе, которая говорит, что Сарра находилась на месте выжигания белил при появлении первой группы евреев. Очевидно, Дмитрий Церетели не мог видеть Сарру на дороге впереди первой группы. Несправедливо его показание и о том, что он видел евреев и слышал детский крик, когда он после проезда евреев отправился по лесу отыскивать свою скотину. По показанию Турфы и Елизаветы Цхададзе, Церетели работал в своем винограднике во время проезда евреев. После их проезда, ввиду павшего тумана, Церетели отправился искать скотину.

Место, на котором он, по его собственному указанию, видел евреев и слышал детский крик, находится в 180 саженях от виноградника Церетели по линии садзаглихевской дороги. Церетели прошел это расстояние медленно, заглядывая по сторонам, ища в лесу скотину и тем не менее успел догнать евреев, уехавших раньше его выхода на поиски скотины, ехавших скоро и без остановок. Оказывается, если верить показанию Дмитрия Церетели, что евреи, похитив Сарру, нарочно поджидали на дороге Дмитрия Церетели, чтоб он только успел придти на место, увидеть их, услышать детский крик и затем об этом засвидетельствовать. Он и свидетельствует сначала, что видел семейных евреев, потом – что не мог различить, сколько их было, за туманом, а, наконец – что видел трех. Верно одно, что если Церетели видел евреев из своего виноградника, то он уже не мог их нагнать за 180 саженей от него и пришел после продолжительных поисков за неизвестно куда ушедшей скотиной.

Неправдоподобным является и показание другого свидетеля – Григория Григорова Модебадзе. Он видел Сарру на дороге между двумя группами евреев. Сначала он показал, что расстояние между обеими группами было в 40 сажен; здесь он расширил это расстояние до 60 сажен. Но и при таком расстоянии Сарра не могла попасть между двумя группами в силу тех же соображений, которые я высказал о том, сколько времени нужно было для Сарры, Чтобы выйти с места выжигания белил на садзаглихевскую дорогу. Если вторая группа ехала на расстоянии 60 сажен от первой группы, то и эта вторая группа должна была проехать раньше, чем Сарра успела бы выйти на дорогу. Показания Коджаии и Сино Церетели определяют расстояние между группами на четверть часа времени. При таком расстоянии между группами, конечно, возможным представляется, что Сарра, немедленно отправившаяся по тропинке на дорогу, встретила со второй группой. Но все следы и улики похищения относятся к первой группе; там и козел, и сумка, и детские крики, а первая группа, если она ехала на четверть часа ранее второй, была уже по крайней мере в двух вёрстах от Перевисей, и детский крик, слышанный Григорием Датиковым Модебадзе из первой группы, на месте в 15 – 72 сажени от выхода на дорогу тропинки, давно уже раздался и, следовательно, давно уже совершилось похищение. Таким образом, та западня, в которую, по показанию Григория Григорова Модебадзе, попала Сарра, оказавшаяся между двух еврейских групп, становится в действительности безвыходной западней для обвинения. Суживает обвинение эту западню, – Сарра не успевает попасть в нее; расширяет, – первая группа давно миновала Григория Датикова Модебадзе, козел уже проблеял, ребенок прокричал, похищение, стало быть, совершилось, и на долю второй группы нет ни козла, ни ребенка, ни детского крика. Таким образом, оказывается, что и показание Григория Григорова Модебадзе есть чистейшая ложь.

Павел Цхададзе не видел Сарры на дороге, но он видел обе группы евреев, и, по его соображениям, Сарра могла опередить вторую группу на 10 сажен. К показаниям свидетелей о расстоянии надо относиться осторожно. Я и отнесся осторожно, спросил Цхададзе, на чем он основывает свой расчет? Оказалось, что тропу, по которой должна была пройти Сарра, он определяет в 32 сажени. Определение неверное. По измерению, сделанному судебным следователем, эта тропа никак не может быть меньше 66 сажен. Таким образом, расчет Цхададзе должен быть устранен, как вывод из неверного основания. Между тем, свидетель Дотуа Цхададзе свидетельствует, что Сарра не могла бы опередить вторую группу евреев, и это показание действительно находит себе подтверждение в соображениях расстояний, изображенных на плане, составленном хоть и не специалистом, но, тем не менее, и что всего важнее, на основании точных измерений, произведенных судебным следователем. До сих пор я признавал как бы бесспорным, что Сарра направилась на садзаглихевскую дорогу. Представляется ли, однако, доказанным, что Сарра

пошла и вышла на эту дорогу? Кто видел ее на этой дороге? Дмитрий Церетели и Григорий Григоров Модебадзе — свидетели недостоверные, как я уже доказал. За исключением их, никто не видел Сарры на дороге. Не видела ее Турфа Цхададзе; она, напротив, думала, что Сарра пошла с сестрой в лес, и только видела потом, что Сарра вышла на тропинку, но не видела, куда она направилась. Тропинка была всего в 6 саженях от места выжигания белил, и Сарра, ничем не занятая, легко могла и без особой надобности и цели, ради одной прогулки, чтобы не оставаться на одном месте, выйти на тропинку, по которой еще далеко было до дороги. Елизавета Цхададзе видела Сарру на этой тропинке «лицом к садзаглихевской дороге». И этот оборот Сарры по направлению к дороге не доказывает еще, что она направилась и вышла на дорогу. Павел Цхададзе видел Сарру на тропе, видел, что она сделала несколько шагов по направлению к дороге, но он не видел, чтоб она вышла на дорогу, между тем как он мог бы это видеть со своего места. Сарра, и не направляясь к дороге, могла ходить по тропинке взад и вперед, как ничем не занятый ребенок. Да и была ли надобность для Сарры выходить на садзаглихевскую дорогу? Единственная надобность, которая могла представиться ей, — это возвратиться домой. По объяснению Турфы Цхададзе, Май Модебадзе говорила своей сестре Сарре перед уходом в лес, что им обоим оставаться у Цхададзе нельзя и что Сарре надо идти домой. После ухода Май в лес за валежником Сарра действительно могла отправиться домой. Но по какой дороге она могла возвратиться домой? Кроме садзаглихевской дороги, параллельно с ней, к дому отца Сарры, по возвышению, на котором стоят дома Цхададзе и Модебадзе, идет тропинка, соединяющая оба эти дома.

Эта тропинка пешеходная, идущая по плоскогорью, по которой не нужно подниматься и опускаться, как по садзаглихевской дороге, и по которой обыкновенно ходили между домами Цхададзе и Модебадзе. По этой тропинке Сарра и пришла к Цхададзе, как это видели Коджаие и Сино Церетели; по этой тропинке Май возвратилась домой, когда узнала, что Сарра ушла; на эту тропинку прежде всего направились розыски, когда исчезла Сарра. Естественнее всего, Сарра, отправляясь домой, направилась по этой тропинке, а не по садзаглихевской дороге, где путь был дальше, менее удобен, где нужно было спускаться под гору и снова подниматься. Тем более не было для Сарры побуждения выходить на садзаглихевскую дорогу после того предупреждения, которое сделала ей Турфа, сказавши, что евреи, проезжавшие по дороге, могут ее увести, подаривши ей платье. Что за странный каприз был бы у девочки после всего этого предпочесть садзаглихевскую дорогу удобной и привычной, более короткой и более ей знакомой тропинке.

Обратим, наконец, внимание на садзаглихевскую дорогу. Соответствует ли она условиям похищения среди дня живого ребенка, возможности того преступления, которое предполагает обвинительная власть? Дорога эта идет

с юга на север по долине или, лучше сказать, по ложбине, между двумя удлинёнными холмами, ограничивающими ее с запада и востока. На холмах, по обе стороны дороги, рассеяны в разных расстояниях один от другого дома обитателей селения Перевиси. Дома эти, перемежаясь с виноградниками и лесными кустарниками, служат как бы обсервационными пунктами по отношению к дороге. С возвышенности холмов все дороги, идущие через Перевиси на расстоянии около 200 сажен, видны почти во всех своих пунктах. Днём в виноградниках, около домов, в кустарниках леса, то здесь, то там, работают жители Перевисей вблизи самой дороги. Проезжающие по дороге видны. Пока проезжали 4 апреля евреи через селение Перевиси, их видели то Церетели, то Цхададзе, то Модебадзе, Цивилишвили, то Коджаие и другой Церетели. Их видели из домов, со дворов, из виноградников. Со всех мест, на которых находились свидетели проезда евреев, они свободно могли разговаривать с евреями; по опыту, произведенному следователем, со всех этих мест слышен обыкновенный человеческий говор, происходящий на дороге. Жители одной стороны дороги могут свободно разговаривать с жителями противоположной стороны. Часть дороги видна с одного места, другая – с другого. Дорога вся на виду и в наблюдении. При таких условиях было бы крайне рискованно и едва ли могло придти кому-либо в голову решиться на похищение ребенка, который, понимая опасность, конечно, употребил бы все свои детские усилия, чтобы закричать, позвать на помощь, и, конечно, жители Перевисей услышали бы такие крики отчаяния и ужаса, которые не оставили бы возможности недоумевать, крики ли это козла или крики ребенка, плачет ли ребенок и напрягает свой детский голос, чтобы призвать к себе на помощь.

Нет, я не вижу возможности похищения Сарры Модебадзе на садзаглевской дороге. Не видели этой возможности вначале и сами жители селения Перевиси. Все они видели проезжавших евреев, и, однако, когда исчезла Сарра, подозрение на евреев пало не вдруг. Первое и самое естественное предположение было, что девочка, уйдя домой, заблудилась, так как был сильный туман. Все усилия родственников и знакомых направились к тому, чтоб искать девочку по сторонам дороги, в лесу, в кустарниках, в полях. Никто не начинал речи о евреях. Будь иначе, розыски в тот же день направились бы в Сачхеры, куда проехали евреи. Подозрение на евреев возникло только на другой день, когда Сарры, несмотря на поиски, нигде не оказалось. Иосиф Модебадзе говорит, что подозрение на евреев у него явилось только тогда, когда Дмитрий Церетели рассказал ему о слышанном им детском крике. Кекеле Модебадзе говорит, что на другой день стали думать на евреев, так как девочка нигде не находилась, «а кто же мог ее похитить, кроме евреев?». Любопытно, что все свидетели, возымевшие решительное подозрение на евреев, при расспросах их здесь старались свалить друг на друга честь первоначального заявления такого подозрения. Так, Иосиф Модебадзе говорит, что он заподозрил евреев со слов Дмитрия Церетели. Церетели говорит, что он не

имел разговора с Модебадзе о евреях. Цхададзе говорит, что Григорий Датиков Модебадзе, придя к ним в дом, сказал: «Нечего искать ребенка, – евреи похитили». Григорий Модебадзе утверждает, что был такой разговор, но что подозрения возбудила Турфа. Одним словом, подозрение утвердилось на следующем умозаключении: евреи проезжали, девочка пропала, следовательно, евреи ее похитили.

Я не стану смеяться над этими простыми людьми, лишенными умственного света, над детской наивностью их выводов, над их суеверием, не тронутым критикой здравого рассуждения. Какое права имею я глумиться над шаткостью и легкостью их умозаключений, когда и теперь, после долгого предварительного и судебного следствия, вам преподносят обвинение, построенное на тех же умозаключениях и лишь пополненное с избытком баснями и сплетнями. Поучительно, однако, проследить, как возникшее в умах простых и суеверных людей подозрение росло, развивалось, укреплялось и сложилось в грозное обвинение. Вы увидите, что жизненность этого подозрения нашла себе пищу и поддержку не в умах жителей Перевисей и Сачхер, а в доверии к подозрению и действиях полицейской и следственной власти; что родственники Сарры только пользовались искусно недоразумениями и лежководием лиц, разъяснивших дело о ее смерти. Иосиф Модебадзе, нигде не находя своей пропавшей дочери, не видя объяснения ее исчезновения, останавливается хотя и на шатком подозрении против евреев, о чем он и делает заявление полицейскому приставу. Между тем как пристав, не произведя ни розысков, ни дознания об обстоятельствах пропажи Сарры, передает заявление Модебадзе судебному следователю.

Сарра была отыскана. С отысканием ее трупа и для Модебадзе, и для всех других, по-видимому, стала ясна причина смерти Сарры: девочка заблудилась и погибла несчастным образом. По крайней мере, ни старшина, осматривавший труп Сарры, ни другие, бывшие при этом осмотре, не поддерживают подозрения против евреев и поступают с трупом Сарры так, как это бывает при бесспорных случаях нечаянной несчастной смерти. Старшина приносит труп в дом Модебадзе, семейство Сарры хоронит ее труп, не ожидая его осмотра следователем, не требуя этого освидетельствования и не заботясь о судьбе заявленного перед тем подозрения, которое теперь для самого Модебадзе не представлялось уже основательным и вероятным. Между тем, имея пред собой прежнее заявление Модебадзе, следователь Приступает к вырытию и вскрытию трупа. Модебадзе не присутствует при вскрытии, не интересуется им и даже некоторое время не знает о нем. Между следователем и врачом происходит разногласие о причине смерти Сарры. Пользуясь неверными полицейскими сведениями, врач дал такое объяснение случаю смерти Сарры, которое не находит себе подтверждения в осмотре места, где найден труп. Первое Недоумение, которое было бы нетрудно

разъяснить, отнесясь к делу без предвзятой мысли, первое разногласие, которое могло быть примирено более соответственным обстоятельствам дела объяснением причины смерти Сарры, дает Иосифу Модебадзе случай поднять снова оставленное уже им подозрение, и тут начинает он указывать свидетелей, слышавших детский крик, обращает внимание на разорванное платье Сарры, заявляет о том, что под коленами у нее замечены были порезы. Порезы необходимо было придумать, чтобы придать солидность подозрению. Конечно, рассчитывалось при этом, что труп погребен и что показание о порезах примут на веру. Вторичный осмотр трупа, вырытого из земли, произведенный в присутствии отца Сарры, убеждает, что никаких порезов на ногах Сарры нет и не существовало.

Казалось бы, вторичное вскрытие трупа должно было повести к разъяснению случая смерти Сарры и указать, с каким подозрением и с какими достоверными заявлениями имеет дело следствие. Но оно, напротив, проникается важностью подозрения и дает ему преувеличенную цену. Через несколько времени после первого вскрытия полицейский пристав, осматривая место нахождения трупа Сарры, замечает давние следы двух лошадей, шедшие по направлению к месту трупа. Пристав обращает на это внимание, и этого достаточно, чтобы его недоумение родственники Сарры обратили в пользу своего подозрения на евреев. Скрывают действительное происхождение следов и объясняют, что на них не обратили внимания в то время, когда нашли труп Сарры. Странное и невероятное обвинение. Возможно ли, чтоб осматривавшие труп на месте, — а таких было много, — могли упустить тогда еще свежие следы, указывавшие на привоз Сарры в то место, где она найдена? Возможно ли, чтоб отец Сарры, имевший подозрение на евреев, оставил без внимания эти следы, которые так поддерживали его подозрение? Пристав не остановился на этих вопросах.

Он допустил, что следы существуют, но не были замечены. И свидетели, которые, как оказывается, знали о происхождении этих следов, умалчивают, а другие, пользуясь их молчанием, свидетельствуют о встрече на сачхерской дороге двух евреев накануне нахождения трупа Сарры и таким образом готовят разъяснение тому недоумению, которое возбудилось в уме пристава.

Следствие получает новый толчок. Крик сперва слышали только на сад-заглихевской дороге. Этого недостаточно; следствие желало бы еще новых свидетелей детского крика на дальнейшем пути евреев. И раз почувствовали эту надобность, — целая группа свидетелей, более чем через месяц после пропажи Сарры, является внезапно и, молчавшая до тех пор, свидетельствует о слышанных криках. Вообще, следя за предварительным следствием, мы видели, что при каждом новом требовании следствия тотчас же является и предложение, вполне удовлетворительное. Каждое недоразумение, каждое

сомнение, которое является у лиц, производящих дознание и следствие, каждая их иногда невольная ошибка тотчас же обращается в пользу заявленного подозрения; за них хватаются как за искру и раздувают в пламя, освещающее дело совсем не с той стороны, на которой была истина. Так сложилось настоящее дело и настоящее обвинение.

Я поставил себе задачей доказать перед вами не только то, что самое здание обвинения построено на шатком основании и должно разрушиться при серьезном к нему прикосновении, но я хочу доказать, что самые материалы этого здания, которое венчал теперь своим решительным словом прокурор, не имели и не имеют внутреннего достоинства и прочности.

Я должен теперь вступить на путь детских стоков и криков, слышанных несколькими свидетелями. Это какой-то мрачный переход дантовского чистилища, где души некрещеных младенцев в томительном ожидании взывают о спасении. Это продолжительная вокальная музыка, которая, однако, никак не складывается в концерт. Нет согласия, нет и единообразия в этих звуках, подхваченных случайно свидетелями; разнообразны впечатления и заключения самих свидетелей. То слышат они детский крик, то какое-то мычание, то крик козла, то стон задыхающегося ребенка, то плач, то целую фразу о призыве к спасению. Иным свидетелям послышался детский крик, но когда они увидели козла, то заключили, что это был крик козла, и успокоились. Другие слышат крик, но когда выходят на этот крик, — слышанные звуки умолкают. Слышат плач, идут на помощь, думают увидеть ребенка, но видят евреев и, не обращая затем внимания на плач, уходят. Обмениваясь мыслями по поводу слышанного крика, соглашались, что это крик козла, но когда узнают, что евреями похищен ребенок, убеждаются, что слышанный ими крик был не крик козла, а ребенка, и что евреи не просто торопились ехать, а были испуганы.

Все эти самые разнообразные свидетельские впечатления без дальнейшего их разбора, без применения противоречий между ними, выставляются обвинением как улики, и, прибавлю, как главнейшая улика, связывающая проезд евреев с исчезновением Сарры. Рассмотрю в отдельности каждое из свидетельских показаний.

Первым слышавшим крик является Григорий Датиков Модебадзе. Он был в 72 сажнях на дальнейшем пути евреев от соединения тропинки с садзаглихевскою дорогой. На пространстве этих 72 саженей должно было совершиться похищение Сарры. Модебадзе слышит «крики как будто ребенка», звуки «вай ми дэда мишвил». «Вы утверждаете, — спрашивает свидетеля прокурор, — что это действительно был крик ребенка?» — «Непременно ребенка», — отвечает Г. Д. Модебадзе. «Какой же крик, — любопытствует защита, — воспроизведите его». Послышалось какое-то мычание, а потом крик а... а... а... произносимый не особенно громко. Продолжая, свидетель говорит,

что ему показалось, что это был «крик ребенка». Значит, добавляет к этому отзыву прокурор, вы убеждены, что это был крик ребенка. Дмитрий Церетели слышал, что ребенок плакал, «как будто бы побили ребенка». Но я уже доказывал, что этот свидетель не мог слышать никакого плача и крика на том месте, на которое он указывает, так как он не мог догнать на этом месте евреев. Нужно заметить, однако, что и этот свидетель, и Григорий Модебадзе выйдя на место, с которого им послышался крик, видят проезжающих евреев, но крика детского уже не слышат, видят, однако, козла, успокаиваются и уходят, как бы ничего и не случилось. Не внушительны им были крики и стоны Сарры. Свидетельница Непарадзе – это та самая старуха, которая сказала, что она слишком стара, так как ей более сорока лет. Она тоже говорит, что слышала плач ребенка, а не козла, но прибавляет, что она немного глуховата. И этой глуховатой свидетельнице приходится свидетельствовать о слышанных ею звуках, предательских звуках, долженствующих уличить подсудимых. Непарадзе слышала крик: ва... ва... ва... Ребенок, говорит она, плакал, один раз вскрикнул. Расспрашивая эту свидетельницу, прокурор высказал, что она на предварительном следствии показывала одно, здесь говорила другое, а теперь – третье. Прошу теперь, судьи, основать ваш обвинительный приговор на показании этой свидетельницы. Выступает перед нами Бесо Гогатишвили. Он слышал детский стон; просим изобразить этот стон; свидетель изображает какое-то мычание. Услышав детский крик, говорит Гогатишвили, я увидел потом, что кричит козел, и успокоился. Далее следует группа сачхерцев. Это не отдельные свидетели, случайно соединенные, но именно цельная группа, соединенная узами – одни кумовства, другие сожительства и, наконец, все единением умственного мрака. Соломея Колмохелидзе услышала крик, «как будто дети душатся». Это ее собственное характерное выражение. Спрашиваем, «как это дети душатся, – объясните». Прикладывается рука ко рту, и Соломея изображает, как душатся дети. Свидетельница, услышав крик, подумала, что это крик ее внука, по крайней мере она так говорила на предварительном следствии, здесь же она это отвергла.

Обеспокоившись криками, она вышла, посмотрела, убедилась, что ребенок невестки не кричит, и пошла к своему жильцу Надирадзе, который успокоил ее тем, что едут евреи и везут козла, кричит козел, а не ребенок. Кажется, оставалось одно – совершенно успокоиться, но Соломея Колмохелидзе не успокоилась; в недоумении возвратилась она домой, затворила дверь и, добравшись до постели, упала в обморок от одного представления, как она объяснила, о том крике, который она слышала. Когда на другой день она узнала о похищении евреями ребенка, для нее все стало ясно, а через полтора месяца она заявила полиции о слышанном ею крике. Следует затем жилец Соломеи Колмохелидзе, Максим Надирадзе, который также говорит, что явно слышал стон ребенка. Просим и его изобразить эти стонущие звуки; он точно так же, по одному образцу с Соломеей Колмохелидзе, прикладыва-

ет руку ко рту и воспроизводит их. «Вошла ко мне, – повествует он, – хозяйка и сказала, что, кажется, слышала она крик ребенка»; но Максим Надирадзе указывает ей на козла, которого в то время мимо него провезли евреи, что это козел кричит; на другой, однако, день, когда он услышал о пропаже Сарры, он сам понял, что слышанный им крик был действительно крик ребенка. Натела Дурмашидзе стоит в своем саду, видит проезжающих евреев; у них переметная сумка; в одной половине сумки, говорит свидетельница, что-то ворчало или пищало, а в другой был козел. Не было ли это, спрашиваем мы, ворчанье и пищание кур или гусей, которых везли с собою евреи? Нет, говорит, эти звуки напоминали голос ребенка, но только все это «было далеко от меня, через забор я не видела, так как далеко стояла от забора». Просим и эту свидетельницу изобразить слышанное ворчанье и пищание, и она издает стонущее а... а... а... Какая, спрашиваем, была сумка? Небольшая, отвечает, она была завязана. «Я в то время поясняет свидетельница, – была огорчена смертью своего сына». Натела Дурмашидзе была в саду не одна, а с своей кумой Пепой Яламовой. С любопытством ждем показания Яламовой, но она не явилась, вывихнула себе ногу. Прочитывается ее показание, данное на предварительном следствии. В нем узнаем следующее. «Когда евреи поравнялись с нами, – говорит свидетельница, – в это время я услышала крики козленка. Перед этим я никакого детского крика и звуков не слышала. Увидевши встревоженные лица евреев, я подумала, что случилось что-то недоброе, и, не знаю почему, у меня появилась мысль, что они везут похищенного ребенка, о чем я тут же и сказала куме Нателе, а кума отвечала, что она ясно услышала крик ребенка. После того как мы узнали о похищении Сарры, я стала всем рассказывать о виденном мной». Итак, рядом стоят в саду под вечер две кумы: одна слышит ясно, что кричит ребенок, а другая слышит крик козленка, но думает, что евреи везут похищенного ребенка; обменялись кумы своими впечатлениями и порешили на том, что евреи действительно провезли никого другого, как ребенка; а когда на другой день они услышали о пропаже Сарры, то для них стало ясно, как день, что ее-то и везли евреи. Наталья Тушишвили видела то, что никто другой не видел. Она видела, что еврей сидел на лошади по-дамски. Недоставало только, чтобы еврей был в длинном костюме амазонки и складками юбки прикрывал драгоценную, но и опасную ношу, бывшую в сумке. Тушишвили слышала звуки, эти звуки отличались от крика козла.

Дав терпеливо ответы на вопросы председателя и прокурора, свидетельница во время вопросов со стороны защиты утомляется, жалуется на болезненность и ссылается на свое показание, данное на предварительном следствии; подкрепленная внушительным словом председателя, который объясняет свидетельнице, что она отвечает суду, а не защите, Тушишвили удовлетворяет наше любопытство о том, какие звуки слышала она из сумки. «Звук был глухой, – говорит она; – если бы меня повесить, то я не в состоя-

нии была бы изобразить этого звука. Если бы было громче, – продолжает она, – то я бы могла выразить, впрочем, времени не было, чтобы заметить все в подробности». Так мы и не узнали слышанных свидетельницей звуков. Следует синьора Кесария Чарквани. Слышала, говорит крик: ай, ай, как будто рот был чем-то заложен у ребенка. Потом она закрывает рукой свой рот, совершенно так же, как делали это Соломея Колмохелидзе и Максим Надирадзе, и издает совершенно такой же звук. «Звук этот подходил к звуку 7 или 8-летнего ребенка», – утверждает свидетельница. Удивительная слуховая способность определять посредством звука лета! Пробуем проверить эту способность и спрашиваем, могла ли бы она отличить голос 30-летнего от 25-летнего человека. Свидетельница в ответ бросает на меня недовольный взгляд. Мог ли быть похож слышанный вами звук, даю я вопрос более простой, на голос, например, 9-летнего ребенка? Нет, отвечает свидетельница. А на голос 6-летнего? Тоже, говорит, нет, и как раз ошиблась, потому что Сарре Модебадзе было только 6 лет. «Евреи были испуганы, когда поравнялись со мной». Смотрю на свидетельницу и, кроме приятности, не вижу в ней ничего, что могло бы испугать евреев, увидевших ее...

Председатель: Я бы попросил не касаться личностей.

Присяжный поверенный Александров: Спрашиваю затем, почему она заключает об испуге евреев. «Потому, – говорит, – что они торопились», – вот вам и объяснение испуга евреев. «Подумала, – продолжает свидетельница, – что у еврея в сумке дитя», – но она подумала это на другой день, когда узнала о пропаже Сарры.

Господа судьи! Полтора дня мы слышали всех этих свидетелей, изучали звуки, ими слышанные. Мы были в душной атмосфере тяжкого уголовного преступления; мы видели перед собой эти арестантские халаты, эти лица, изможденные одиннадцатимесячным тюремным заключением; над ними грозной тучей нависло обвинение, оно готово было разразиться каторгой. Не до шуток и смеха было. Но когда чрез несколько дней настоящий процесс станет минувшим делом, когда к нему можно будет подойти с безмятежностью постороннего наблюдателя, когда можно будет спокойно взглянуть на эту страницу процесса, занявшую у вас полтора дня, что-то странное предстанет воображению наблюдателя. Предстанет взору какой-то комический дивертисмент, как будто для развлечения, для успокоения нервов вдвинутый в страшную уголовную драму; какой-то юмористический листок среди страниц уголовного дела о кровавом преступлении. И под этим юмористическим листком вас приглашают подписать приговор, присуждающий несколько человек к каторге.

– Обратимся теперь к другим свидетелям, которые тоже могли бы слышать детские крики и стоны, но которые их не слышали. Самсон Гогечиладзе

говорит, что детских криков не слышал, хотя и был близко около евреев, прошел с ними несколько шагов и слышал лишь, что козел блял. Правда, обратил он внимание на какое-то движение в еврейской сумке. Он любопытно узнавал, что двигается в сумке. Ему отвечали, а может быть, и не отвечали, что в сумке гуси. Да ведь они подохнут, предупреждает он; пусть подохнут, отвечают ему. Очевидно, любопытство Гогечиладзе не интересовалось удовлетворить, отвечали как попало. Двигалось ли что-либо в сумке или не двигалось, важно то, что если бы то было движение ребенка, желающего высвободиться из сумки, Гогечиладзе не успокоился бы на объяснении, что в сумке гуси. Илиху Комушадзе тоже встретил евреев, но не мог заметить, что было у них в сумке; с козлом евреи ничего не делали, его за ухо не трепали, хворостиной не били, детских криков свидетель не слышал. Давид Анасашвили – свидетель случая покупки евреями гуся на дворе Нателы Капуршвили. Один из евреев вошел во двор; началась торговля; хозяйка просит за гуся 1 руб. 20 коп., еврей дает только 40 копеек. Товарищи его торопят домой, советуют дать за гуся 80 копеек; и наконец, гусь куплен. Анасашвили и Капуршвили видят других евреев, остановившихся в ожидании покупки их товарищем гуся, видят у них козла, слышат, что козел постоянно кричит, но детских криков и стонов не слышат. Евреи торопятся, но тем не менее ждут, пока товарищ окончит покупку гуся. И это в то время, когда, по мысли обвинения, евреи везли Сарру, когда каждую минуту они рисковали быть открытыми, избитыми в тяжком преступлении, когда ежеминутно можно было опасаться предательского для них крика и стона заключенного в сумку ребенка. Есть ли смысл в спокойном торге из-за гуся в то время, когда все мысли должны быть заняты сокрытием коварно похищенного ребенка? Евреи въезжают в Сачхеры; их встречает Бичия Душиашвили, старшина, представитель полицейской власти; он разговаривает с евреями, но никаких детских криков из их сумок не слышит. Обратите, господа, внимание на план местечка Сачхеры и заметьте ту дорогу, по которой ехали домой евреи; вы увидите, что они ехали по самой людной улице Сачхер. Это преступники-то, везущие с собою опасную ношу! Князь Абашидзе, полицейский пристав, объяснил, что путь, по которому ехали евреи по Сачхерам» наиболее отдален от еврейского квартала и что они могли, если бы пожелали, проехать совсем другой дорогой, которая даже не была дорогой, более длинной, там, где не было домов, где, следовательно, стоны и крики ребенка никто бы не услышал. Удивительное пренебрежение к опасности, в которой евреи не могли не находиться, которую они не могли не сознавать, если верить прокурору, что они везли похищенную Сарру.

В каком положении могла находиться Сарра Модебадзе, когда ее везли в сумке? Была ли она герметически закупорена? Тогда она задохнулась бы очень скоро, и криков из сумки никаких не могло быть. Было ли ей просторно в сумке? Но тогда она старалась бы высвободиться, кричала бы, рвалась

наружу; ведь находясь в таком опасном положении, Сарра, которой было 6 лет и которая не могла не сознавать его, напрягла бы все свои, хотя бы детские, усилия, кричала, звала на помощь, рвалась из сумки, прогрызла бы ее, наконец, и дала бы о себе знать более ярким способом, чем звуки, которые можно было принять и за голос ребенка, и за бляение козла. Очевидным представляется, что в сумке у евреев был и кричал не ребенок, а козел. Молодое животное, в полной неизвестности за предстоящую ему будущность, в тоске, может быть, о покинутых полях своей родины, стесненное в своих движениях, предпочитавшее побегать, пощипать траву, скучавшее, очевидно, непривычным для него положением пассажира, выражало свое огорчение в жалобных криках, пискливом бляении и тому подобных звуках. Развлекали себя на его счет и спутники его; то хворостиной его ударят, то ухо закрутят. Все делалось начистоту, по душе, и никто не ждал грозного обвинения. Были с евреями индейки, куры и гуси, и эти не ощущали надобности оставаться безгласными. Вот правдивое соображение о происхождении тех звуков, которые стали вдруг звуками и стонами ребенка, как только разнеслась весть о похищении Сарры.

Покончим с комической страницей дела; впереди предстоит что-то, по видимому, серьезное: это событие в доме предводителя дворянства князя Церетели. Что-то необычайное слышится, напоминающее как будто событие из первых веков христианства. Еврей, только что покинувший своих единомышленников, бежит в ближайший дом, дом предводителя дворянства, и громким криком заявляет, что пришел открыть сердечную тайну, говорить о замученном христианском ребенке. Так и ждешь какого-то великого события, воочию совершающегося обращения еврея в последователя Христа. Пред этим евреем не разверзлись небеса, он не слышал голоса: «Савле, что гониши!», — но он только что окончил пасхальную трапезу со своими друзьями, он знает за ними преступление, возмутившее его совесть, отвратившее его от прежних убеждений; пред ним открыло свет истины, и он идет обличать великое преступление своих единомышленников. Еврей потонул в человеке, и этот человек с желанием порвать со своим прошлым, с желанием, может быть, полного обновления, приходит исполнить великий нравственный долг. Прибегает Еликашвили и садится на землю. Несколько раз неистово кричит он: «Подайте мне предводителя дворянства!» Предводителя нет. У Еликашвили любопытствуют, на что ему предводитель? Сидя на земле все в том же положении, продолжает кричать Еликашвили, кричит так, что на крик сбегаются люди с разных сторон, кричит без всякой надобности, кричит, когда с ним говорят обыкновенным голосом, и все кричит: подайте мне предводителя, я хочу открыть сердечную тайну!

Пьян был Еликашвили, закрадывается во мне подозрение, по всему видно, что пьян. Спрашиваю свидетелей. Не говорят, мы стояли близко, никакого

винного запаха не было слышно. Что же, может быть, у свидетелей обоняние не особенно сильно из этого еще не следует, чтобы М. Еликашвили не был пьян. Мы его прогоняли, говорят свидетели, хотели удалить со двора. Зачем вы прогоняли, спрашиваю, человека, который пришел по серьезному делу охотно разговаривает с вами, хочет открыть сердечную тайну? Предводителя нет, положим, но Еликашвили вам беспокойства не причиняет? Напротив, он должен был возбуждать ваше внимание, любопытство, вы могли ждать от него рассказа о важном событии. Зачем же было гнать со двора? На этот вопрос удовлетворительного ответа не получаю. Справляюсь у местного старшины, имея в виду, что в день происшествия праздновалась пасха, что Еликашвили был на праздничном обеде и что весьма возможно некоторое с его стороны послеобеденное возбуждение. Бичия Душиашвили, свидетель, вызванный обвинением, говорит: «Да, М. Еликашвили человек, вообще непьющий, но изредка раза два-три я видел его пьяным. В день пасхи он напился. Он обедал в этот день в еврейском доме, поблизости двора предводителя дворянства, затеял там драку, гнался с деревянным подносом за одним евреем; позвали проходившего мимо старшину, тот вступился, связал Еликашвили, но через несколько минут он развязался и, ругаясь, побежал в дом предводителя». Вот объяснение события с Еликашвили, и если он действительно даже говорил о замученном ребенке, то и в этом нет ничего удивительного, так как еще накануне все сачхерцы знали о пропаже Сарры и о том, что ее похищение приписывается евреям.

Выхожу со двора предводителя дворянства и встречаю Иосифа Якобишвили, – это свидетель своеобразный, с показанием в виде движущейся панорамы. Иосиф Якобишвили, бывший дьячок, бросил тихое и сладкогласное псалмопение, и судьба, не то смеясь над ним, не то серьезно указуя ему новый путь служения, выдвинула его в роль, которая требует не только голоса, но и такта, добросовестности, правды, в особенности правды. Он вдруг совершенно неожиданно становится свидетелем двух фактов, важных для обвинения. Идет Якобишвили по улице Сачхер, куда он прибыл по своим делам, идет и остановился. Почему, спрашивают его, вы остановились? Так, себе, говорит. Думаю, что могло случиться. Бывает, что часы идут и останавливаются, а потом опять идут. Остановившись, Якобишвили видит, что мальчик лет одиннадцати подбежал к еврею на улице и спрашивает: а что, замученного нашими ребенка отвезли в ту же ночь или нет? и получает за это от еврея подзатыльник и название осла. Якобишвили не понял собственно смысла слов мальчика; он пошел своей дорогой. Но эти слова, значения которых он не понял, остались в его памяти, и он припомнил их, когда, через две-три недели, он услышал спор по поводу обвинения, взведенного на евреев.

Станным, однако, представляется то, что евреи, похитившие Сарру, так неосторожно обращались с предметом своего преступления, что даже ма-

лые ребята знали о нем и болтали на улице. Но слова еврейского мальчика не единственное приобретение на пользу дела со стороны Якобишвили. Было еще другое, о чем он свидетельствует. Было это 6 апреля. Идет он, рассказывает Якобишвили, и на этот раз не останавливается. Видит он, что десятский ходит по домам евреев, стучит и созывает их на сход; а Якобишвили все идет и идет так что, надо полагать, десятский очень скоростижно заходил в дома, делал вызовы, да и самые дома были расположены как раз по пути Якобишвили. Стучит десятский в одном доме и, конечно, постучав, остановился, а Якобишвили все продолжает идти. На стук выходит женщина. Десятский просит ее вызвать сына. Между тем Якобишвили все идет. Женщина отвечает: «Зачем вам моего сына? Он на сход не пойдет, он в замучении ребенка с вами не участвовал, незачем ему быть на сходе». Якобишвили, не забывайте, все идет, да и идет. Что же такое его показание, как не движущаяся панорама? Я припоминаю рассказ, как один сановник, призвав к себе художника, предложил ему написать картину баталии, продолжавшейся четыре дня. Войска выступали, двигалась артиллерия, развертывалась и скакала кавалерия, колонны переменили места, шел бой, победа склонялась то в ту, то в другую сторону, и, наконец, на четвертый день на месте битвы остались только трупы и стаи воронов. «Вам угодно, чтоб я написал несколько картин?», – спросил художник. «Зачем несколько, напишите все это на одной картине». Художник отказался. Якобишвили – этот бы изобразил все на одной картине. Выслушав рассказ Якобишвили, спрашиваем десятого, не собирал ли он 6 апреля сход. Он отвечает, что не мог собирать сход, потому что это был день еврейской пасхи, и в этот день, как день большого праздника, сходов не собирают. Модебадзе возражает, что Нато Цицашвили не десятский. Спрашиваем об этом старшину Душиашвили. Бичия Душиашвили подтверждает, что схода 6 апреля не было. Нато Цицашвили действительно десятский, но схода собирать не мог, потому что этот день в сходе надобности не было.

Расстанемся с Якобишвили. Мне предстоит говорить по поводу обвинения Моши Цицашвили. Я должен вам открыться по душе. Если 61-летний И. Хундиашвили возбуждает во мне серьезные мысли, если я, смотря на него, не мог отрешиться от мысли, что 61 год жизни Хундиашвили был первым годом его тюремного заключения; если я смотрю на него и думаю, что нет условий, которые бы застраховали от тюрьмы, что, собственно говоря, места столь и не столь отдаленные есть только понятие относительное, что в сущности они близки каждому из нас и что близость их зависит от обстоятельств, которыми располагает наша воля, – если Хундиашвили возбуждает во мне серьезные мысли, то мои симпатии посвящены Моше Цицашвили.

Я его люблю, как любит мать своего несчастного сына; Моша – это мой Иосиф, которого все продают, к кому он братски обращается. И действительно, Моша замечательно несчастлив, ничто ему не удастся. Захотел Моша

погадать о будущем. Он знал уже, что против него собирается грозное обвинение, а тут как нарочно подвернулся маг и волшебник Комушидзе, который по пульсу узнавал судьбу человека. Моше хочется немножко приподнять завесу будущего, узнать, чем кончится его дело, которое его так беспокоит. Конечно, Моша преступает этим закон Моисеев, запрещающий обращаться к магам и волшебникам. Но если бы не было закона, не было бы и преступлений. С другой стороны царь Саул был и посерьезнее Моши, да и тот обращался к аендорской волшебнице, вызывая через нее тень Самуила. Моша тени Самуила не тревожил; он желал только предложить свой пульс, чтобы Комушидзе посредством его решил вопрос, сильно занимавший Мошу.

Председатель: Я бы попросил не говорить лишнего и не касаться вещей, которые к делу не идут.

Присяжный поверенный Александров: Я принужден касаться этого предмета только потому, что гаданье ставится в улику М. Цициашвили в обвинительном акте, и я по необходимости должен считать эту улику существенной, ибо обвинительный акт есть собрание существенных улик. Я думаю, что из покушения Моши на гаданье можно вывести заключение не о его виновности по делу, а только о его нервной нетерпеливости. Моша действительно нетерпелив, он не может спокойно выжидать течение событий. Он обращается к одному свидетелю по делу и просит его ни о чем другом, как только сказать правду на следствии. Моша уже знает, что этот свидетель указан как встретивший его будто бы в ночь на 6 апреля недалеко от Дорбаидзе. Покажите правду, говорит он этому свидетелю, скажите, что вы меня не встречали, потому что вы ведь действительно меня не встречали. И эти наивные и невинные слова, где нет никакого намека на подговор сказать неправду, и эти обращения Моши к свидетелю ставятся ему в улику, и улика эта, как существенная, заносится в обвинительный акт. Нетерпеливый Моша то и дело говорит о своем деле, но и тут неудача. Он говорит, и как нарочно удается ему построить такое выражение, которое можно объяснить и так, и иначе. Свидетель Юркевич и прокурор понимают это выражение в одном смысле, защита имеет основание понимать его в другом. Моша, говорит Юркевич, выразился так: «Если не будем хлопотать по нашему делу, если будем сидеть сложа руки, то докажется или окажется наша вина». Тут два смысла, и все зависит от того, над каким словом сделать повышение голоса. «Докажется» наша вина, — понятно, что дело идет о действительно совершенном преступлении, повысьте голос над словом «наша», смысл будет другой: взвалят на нас и окажется наша вина.

Я полагаю, что Моша употребил это выражение именно во втором смысле, потому что если бы он имел в виду первый смысл, то не стал бы так громко говорить, чтобы Юркевич мог слышать его слова. Что же связывает

Мошу с настоящим обвинением? Его встретили, он ехал накануне Дня, когда найден труп Сарры, по сачхерской дороге, вблизи коей оказался труп. Но в действительности труп от этой дороги лежал Далеко. Можно остановиться в недоумении над вопросом: зачем нужно было привозить труп так далеко, когда его можно было бросить в другом, ближайшем месте. Свидетели говорят: мы видели, что ехали два еврея; Мошу узнали. Моша был единственный еврей, которого свидетели знали. Окликнули они Мошу, назвали его по имени, но встретившиеся всадники не отвечали. Почему не отвечали? Не отвечали потому, что между ними не было М. Цициашвили, или не хотели ответить, хотели скрыться – неизвестно. Возле трупа оказались следы двух лошадей. Если видели Мошу вдвоем с другим всадником и если затем оказываются возле трупа следы двух лошадей, то кто же, заключают, как не Моша привез труп? Но я полагаю, что Моши не было при встрече с двумя свидетелями, если даже они встретили каких-либо всадников. Моша Цициашвили вечером был вместе с другими, он просил поставить на ночь караул около еврейских домов, так как евреи боялись, что ребенок, ввиду сделанного против них обвинения, может быть к кому-нибудь подброшен. Такая просьба, которая только случайно осталась без удовлетворения, не указывает на предстоящую необходимость для Моши вывозить из Сачхер труп ребенка. Затем ночь на 6 апреля была лунная, та ночь еврейской пасхи, которая в отличие от нашей празднуется в полнолуние. В светлую ночь выезжать из селения с трупом Сарры Модебадзе было бы рискованно. Предположить такую неосторожность со стороны Моши трудно. Да и зачем было увозить труп так далеко, когда его можно было всюду спрятать, хотя бы в одном из еврейских домов или огородах. Но как же объяснить следы двух лошадей около трупа? Относительно следов лошадей я не стану исключительно основываться на свидетельстве Филимона Микадзе не потому, что не верю этому свидетелю; нет, личное мое впечатление было в пользу того показания, которое он дал. Не знаю, какое впечатление он произвел на вас, г. г. судьи, это зависит от вкуса и взгляда; на меня его показание произвело впечатление правды, но я не могу не признать, что свидетельство Микадзе несколько запоздалое. Правда, я не согласен с тем, что свидетельское показание Микадзе, данное здесь, находится в противоречии с показанием его на предварительном следствии, – это не совсем справедливо.

Здесь Микадзе показал более того, что показал он на предварительном следствии; на предварительном следствии он далеко не показал всей правды; но то, что он показал тогда, не исключает того, что он более откровенно показал здесь. На предварительном следствии он говорил, например, что не видел следов наносного песка на трупе. Но ведь на предварительном следствии вопрос был о том, действительно ли Сарра Модебадзе утонула или нет? Такого количества песка, чтоб можно предположить утопление, на трупе не было. Здесь Микадзе утверждает, что были следы песка, но какие? Крайне

незначительные следы, которые могли быть оставлены мышами или другими зверями, которые бегали по трупу. Наконец, эти следы песка, как и замеченные следы сырости, могли остаться от дождя, под которым труп оставался у забора; частицы песка могли быть занесены на труп ветром. Таким образом, в теперешнем показании Микадзе я не вижу противоречия с тем показанием, которое он дал на предварительном следствии. Как совершенно новое, Микадзе, между прочим, рассказал здесь умолчанное им прежде о происхождении конных следов возле трупа Сарры. Я принял за правило оперировать только теми доказательствами, которые считает достоверными сам обвинитель. Я не стану опираться на показание Микадзе, которое, как данное поздно, может быть заподозрено обвинением, но для меня важно это показание в том отношении, что оно дает мне мысль объяснить хотя бы только предположительно, как возможное, происхождение следов возле трупа. Микадзе говорит, что родственники Сарры, узнав о розыскании трупа, на двух лошадях отправились к месту нахождения его, с дороги свернули по направлению к трупу и тем же путем вернулись назад. Действительно, весьма возможно, что при первом известии о розыскании Сарры в трех верстах от дома ее отца, семейные Сарры на лошадях поспешили к трупу и следы лошадей возле трупа оставлены были ими. В справедливости этого моего предположения убеждает меня не показание Микадзе, которое только наводит меня на эту мысль, а другое соображение, имеющее для меня по крайней мере, всю силу убедительности. Труп Сарры Модебадзе найден уже после того, как подозрение было заявлено против евреев. Вы знаете г.г. судьи, что родственники Сарры ничего не пропускали, чтобы обличить вину евреев. Вы помните, что, по их словам, у Сарры оказались даже порезы под коленами, в действительности никогда не существовавшие, как это бесспорно доказано. Без сомнения, эти люди, которые для своих целей находили возможным изобретать порезы у Сарры, видя следы двух лошадей около места нахождения трупа, следы свежие, происхождения которых они, однако, не знали, не простили бы их евреям, не упустили бы в свое время обратить на них внимание. Тогда же бы они указали на эти предательские следы, как на доказательство того, что ребенок не сам пришел к стене виноградника, но что его привезли неизвестные люди на двух лошадях и подбросили. Но об этих следах ничего не было говорено, никто не возбудил вопроса и подозрения, а людей, осматривавших труп и местность в самое первое время по розыскании трупа, было много. Конечно, они останавливались на вопросе, как попала девочка к забору виноградника, конечно, в суждениях, в предположениях о характере случая не было недостатка. Конечно, было обращено внимание и на положение трупа, и на местность, где труп находился, конечно, вспоминали о евреях, которых до того подозревали, и среди естественных рассуждений обо всех этих предметах никто не заметил возле самого трупа свежие следы двух лошадей и никто не указал на эти следы. Этого нельзя допустить. Нет, проис-

хождение этих следов понимали и не могли не смотреть на них как на улику, как на указание, что труп Сарры привезен и подброшен.

Следами воспользовались после, когда пристав, не зная действительно происхождения этих следов, обратил на них внимание. Когда эти следы стали приводить в связь с привозом трупа Сарры, тогда оказалось, что никому не пришло в голову обратить внимание на следы. «Мы, дескать, люди простые, не доглядели». А вот порезы под коленами доглядели.

Я покончил с разбором улики, которые выставляют обвинительный акт и обвинительная речь. Я мог бы, как совершенно справедливо заметил прокурор, задачу мою ограничить только тем, чтобы опровергнуть выставленные улики. Я не следователь, я не прокурор, не лицо, производящее дознание, я не обязан искать объяснения, как, отчего последовала смерть Сарры, я могу оставаться в полном на этот счет недоумении и, тем не менее, просить для обвиняемых оправдательного приговора. Но в настоящем деле есть достаточно данных, которые дают возможность разъяснить случай смерти Сарры Модебадзе. Пусть эти объяснения будут только предположением; важно, что можно допустить это предположение и что оно не только не противоречит данным дела, но даже ими подтверждается, что предположение это, во всяком случае, более состоятельно, чем предположение о похищении евреями Сарры для какой-то неведомой цели. Я объясняю случай смерти Сарры таким образом. Сарра, очевидно, пошла с места выжигания белил домой. Это заключение я основываю на том разговоре, который был у нее с сестрой ее Маей и о котором свидетельствует Турфа Цхададзе. Турфа Цхададзе говорит, что, уходя за валежником, Мая сказала сестре: «Уходи домой, нам обоим здесь оставаться нечего». По всей вероятности, после этого девочка решила отправиться домой, и действительно, не прощаясь ни с кем, — да, очевидно, этого и не находила нужным, — ушла незамеченной. Когда вернулась Мая и Сарры не было, все подумали, что девочка пошла домой. Пойти домой она могла по верхней тропинке, идущей по плоскогорью. На этой тропинке видели ее С. Церетели и Коджае, когда она шла к Цхададзе; вернуться ей домой по той же тропинке было совершенно естественно. Зачем ей было для возвращения домой спускаться на садзаглихевскую дорогу? Там предстоял ей подгорный сток, который был для нее тяжел, а затем горный подъем у дома отца. Мы имеем показания многих свидетелей о том, что во время, совпадающее со временем исчезновения Сарры после проезда евреев, густой туман пал на ту местность, где находилось селение Перевеси. Я признаю лживым свидетельство Д. Церетели; но в этом свидетельстве, из которого так много черпает обвинение, я возьму только одно указание, по моему мнению, совершенно свободное от подозрения в лжесвидетельстве, потому что это указание в целом строе показаний Д. Церетели представляется незначительным. Д. Церетели говорит, что после проезда евреев пал такой густой туман, что он, боясь, чтобы не заблудилась скотина в лесу, отправился ее отыскивать и загонять.

Конечно, скотина – животное неразумное, она с человеком сравнена быть не может; но если мы сравним эту скотину с 6-летней девочкой, то не можем не прийти к заключению, что если скотина, которая руководится инстинктом, могла в тумане заблудиться, если этот туман относительно скотины мог возбудить опасения Д. Церетели, то нет ничего удивительного, что Сарра, направившись по тропинке и достигши того места, где эта тропинка разветвляется и впадает с одной стороны направо в дорбаидзевскую дорогу, а с другой – налево ведет к дому Модебадзе, что в тумане, который препятствовал видеть перед собой в нескольких шагах, Сарра попала на правую ветвь тропинки, тогда как она должна была идти налево. Попав на дорбаидзевскую дорогу, по которой она и пошла сначала, думая, что она идет к дому отца, а потом, вероятно, догадавшись, что она ошиблась и заблудилась, шла до какого-либо жилья, где бы она могла узнать дорогу домой и вернуться. Очевидно, Сарра шла по дорбаидзевской дороге до тех пор, пока не дошла до места, с которого она могла увидеть каменную стену. Увидевши эту стену и думая, вероятно, что это след жилья, она пошла по направлению к стене. Заметив, однако, что жилья нет, не догадываясь, как попасть в деревню, конечно, утомленная и истощенная продолжительной ходьбой, в испуге, Сарра уселась около стены на покатости, где она потом и была найдена. Конечно, она кричала, плакала. Но крика Сарры, говорят, никто не слышал, а между тем по произведенному опыту, с места, на котором нашли Сарру, звуки человеческого голоса слышны в деревне Дорбаидзе. Но произведенный опыт не может опровергнуть то предположение, что Сарра Модебадзе кричала и крик ее, однако, не был услышан. Иное дело напрягать внимание, слушать, когда предупрежден о том, что следует слушать, как это было при производстве опыта, и другое дело, когда человек не предупрежден, не обращает внимания, не прислушивается, когда кричащий находится в поле, а тот, кто мог бы услышать крик, сидит, запершись в доме. Слышать голос взрослого – одно, а совсем другое услышать крик ослабевшего 6-летнего ребенка. Наступила тяжелая ночь. Сарра не знала, куда деваться, куда идти. Ей предстояло одно – остаться на этом месте у стены. На этом месте она уснула. Ее так и нашли. Если верить показанию Ф. Микадзе, – а не верить ему, по крайней мере, в этом отношении, нет основания, – Сарра найдена в полусидячем положении, согнувши несколько ноги, опираясь спиной на покатость. Отчего Сарра умерла? От истощения, от утомления, от дождя, от ночного холода, наступившего за этим дождем. Ведь для того, чтобы умереть от ночного холода 6-летнему ребенку, который был одет в рубище, босой, промокший от дождя, истощенный ходьбой, голодный, не нужно температуры ниже 0 – Сарра могла умереть от холода даже при 3 или 4 градусах выше нуля. Мы, взрослые люди, с трудом переносим в комнате температуру 10-12°, что же удивительного, что ребенок мог умереть, пробывши долго под холодным дождем.

Случай с Саррой не что иное, как несчастье. У нас, к сожалению, нередки такие случаи с детьми, за которыми родители по бедности средств, а иног-

да и по небрежности, не имеют внимательного присмотра. Случаи эти не возбуждают ни в ком подозрения, объясняются очень просто, как объяснили вначале и случай с Саррой Модебадзе. Когда труп ее нашли, причина смерти была для всех ясна, и ни в ком — ни в родных, ни в старшине, ни в посторонних свидетелях, не возбудилось никаких подозрений относительно причины смерти. Старшина, который, конечно, знал, как следует поступать в случаях сомнительной смерти, без колебания согласился на просьбу И. Модебадзе отдать домой тело дочери, и умершая была похоронена родителями без заявлений каких-либо подозрений.

На теле Сарры Модебадзе нашлись, однако, некоторые подозрительные поранения. Наружные знаки на трупе — обстоятельство очень важное. Иосиф Модебадзе и его семейство поняли, что вся сущность их подозрений на евреев держится на замеченных наружных знаках на трупе. Но так как этих наружных знаков было мало, так как этим знакам не без основания приписывалось посмертно; происхождение, то нужно было указать что-либо более серьезное, и вот после того как труп был освидетельствован и зарыт на вечный покой, является со стороны родственников Сарры заявление, что у нее были порезы под коленками. Ввиду этого заявления труп был снова вырыт, было произведено вторичное освидетельствование местным медицинским авторитетом, произведено оно было в присутствии отца, которому показаны были подколенки его дочери, для того, чтобы он смог убедиться собственными глазами, что порезов нет. Тем не менее, все семейство Модебадзе заявляет и здесь, что были порезы. Тщетно прокурор старается через расспросы объяснить чем-нибудь это очевидно ложное свидетельство; он спрашивает у свидетелей, не были ли это пятна на теле, не приняли ли свидетели пятен на трупе за порезы? Нет, с каждым ответом утверждают они более и более существование порезов и добавляют: это были глубокие порезы. После этого прокурор уже более вопросов не делает. Вы, господин председатель, вновь передпрашиваете этих свидетелей о порезах, вы стараетесь найти какое-либо объяснение очевидно ложному показанию, вы ищете возможности объяснить их слова ошибкой. Нет, — новые утверждения, и теперь уже не о порезах, а о глубоких ранах. Теперь остановимся на знаках на руках. Знаки на руках, по моему мнению, объясняются весьма легко, как объяснили их врач Верно и доктор Гульбинский. Они говорят, что полевые мыши или другие какие-нибудь грызущие животные могли обгрызть эти мягкие части. Раны не были вырезанными, а были выгрызенными; они затрагивали только кожу и не проникали ни в мышцы, ни в сухожилия. По мнению врача Верно, который действительно может быть признан свидетелем-очевидцем, раны были посмертными и притом рваными. Говорят, свидетельство врача Верно не заслуживает внимания, мнение его неверно и не имеет значения. Это не совсем так.

Если в свидетельстве врача Верно и не соблюдены все условия, которые требуются для актов этого рода, то, во всяком случае, в нем содержатся фак-

ты, которые подтверждены и Ахумовым, помощником мирового судьи, присутствовавшим при вскрытии трупа Сарры и вопреки мнению врача Верно подозревавшим в случае смерти Сарры следы преступления. Ахумов говорит, что описание ран, как оно сделано врачом Верно, — верно, но что он разошелся с врачом только относительно времени происхождения этих ран. Это разномыслие было в виду высшей гражданской медицинской власти на Кавказе и признано по отношению ран, в чем согласны и Верно, и Ахумов, — что раны, по всей вероятности, посмертные и что если даже допустить прижизненное происхождение этих ран, то извлеченное из них количество крови могло быть только самое незначительное. Если стать на почву обвинения, то происхождение ран и количество крови имеет серьезное значение. Весьма важно и другое мнение общего присутствия управления медицинской частью на Кавказе, которое допускает возможность объяснить смерть Сарры действием не только утопления, удушья, но других причин, за исключением одного — смерти от потери крови. Вскрытие действительно обнаружило переполнение кровью внутренних органов. Итак, раны на руках, если бы вопреки мнению врачей и принять их прижизненное происхождение, не дали и не могли дать много той драгоценной крови, которая, по-видимому, должна бы составлять существенную цель похищения Сарры. Это соображение дает мне повод, господа судьи, привести вам один аргумент, которым я и закончу разбор фактической стороны дела. Это было уже давно, века три тому назад; в одной из местностей России судили какую-то старуху по обвинению в том, что она ведьма, портит людей, разные беды накликает на местность. Множество улик, множество свидетелей было собрано против старухи, но она энергически защищалась. Это не басня, господа судьи, У нас известны процессы о ведьмах, они существовали и в Западной Европе, хотя теперь сделались явлением невозможным. Изнемогая под тяжестью улик, старуха, однако, так энергически защищалась, что производила впечатление. Судьи колебались и медлили с приговором. Тогда из публики, — обычаи в то время были проще, и публике не воспрещалось высказывать свои мнения, — тогда из публики один мудрый старец, нетерпеливый видеть торжество правосудия, для того чтобы подавить ее силой бесспорного доказательства, говорит судьям: «Да что вы на нее смотрите? Если она ведьма, у нее должен быть хвост, потому что ведьма всегда с хвостом, и скрыть этого хвоста она никак не может». Исследовали — хвоста не оказалось; старуха ушла оправданной к великому огорчению старца, побитого его же аргументом. Я не имею авторитета старца, тем более мудрого, но мне кажется, я могу воспользоваться и для настоящего дела мыслью старца. Ведь оба дела — и настоящее, и о ведьмах — по характеру своему довольно близки между собой. Я спрашиваю, если, обращая внимание на эти раны, хотят доказать, что они были ранами прижизненными, что они были произведены для извлечения из ребенка крови с известной целью, то дайте характеристические признаки этого.

Укажите те характеристические признаки, которые бы показывали, что этот ребенок похищен евреями с целью добывания крови. В самом деле, ведь эти признаки составляют цельный кодекс, по которому обыкновенно люди, поддерживающие обвинение против евреев, признают и доказывают, что ребенок похищен евреями и похищен для известной цели. Где же следы катанья в бочке, где следы полукруглого долота для выдалбливания желоба для стока крови? Где обрезание ногтей и сосков на груди? А обрезание ногтей — предварительное следствие тщательно исследовало, и этого обрезания не оказалось. Где же знаки и синяки от тугих перевязок? Где знаки, которые показывали, что кожа как будто истерта? И этого нет. Нет хвоста, нет ведьмы. Этим последним, надеюсь, весьма сильным, а в особенности самым соответственным свойству настоящего обвинения, аргументом я оканчиваю разбор фактической стороны дела.

Мне остается говорить о внутренней стороне преступления, приписываемого обвиняемым, о побуждениях и целях похищения Сарры Модебадзе. Цель побуждения всегда играет существенную или, по крайней мере, важную роль не только в определении свойства преступления, внутренней виновности преступника, но и в системе доказательств и улик при совершении лицом деяния. Не всегда, конечно, эта цель и побуждение могут быть доказаны, с точностью определены, но, по крайней мере, они должны предполагаться, как возможные и вероятные. Если деяние бесцельно, если оно не может быть объяснено, хотя бы предположительно, никаким возможным побуждением, тогда возникает основательное сомнение или в действительности существования этого деяния, или во вменяемости его, как деяния бесцельного, безмотивного, а, следовательно, едва ли и здравомысленного.

Цель похищения и задержания Сарры Модебадзе, говорит прокурор, следствием не обнаружена. Полно, так ли? Цель не была обнаруживаема, она, и то не всегда, не была называема, не была доказываема, но обнаруживать ее и не было надобности, ибо для обвинителей она всегда была ясна. Когда, сопоставив исчезновение Сарры с проездом евреев, заявляли подозрение в похищении ребенка на евреев, в чем лежала основа этого подозрения — в проезжавшем или в еврее? Конечно, в еврее. Ни грузин, ни армянин, ни вообще христианин не был бы заподозрен в похищении ребенка при тех обстоятельствах, при которых исчезла Сарра, потому что такое похищение показалось бы бесцельным. Подозрение, а затем и следствие направились бы на другие нити раскрытия истины. Что до еврея, то цель похищения казалась ясна, и побуждение несомненно. Цель похищения следствием не вполне обнаружена, говорит прокурор. А разве следствие старалось обнаружить эту цель? Разве им было предпринято что-либо в этом направлении? Если когда-либо для настоящего следствия цель была не ясна, если она возбуждала сомнение и недоумение, требовавшие разъяснения, то следует сознаться,

что это сомнение, эта неясность убеждений следователя и прокурора не оставили никаких видимых следов в актах следствия. Цель похищения не обнаружена, говорит прокурор, а между тем два раза в том же обвинительном акте он датирует разные обстоятельства кануном еврейской пасхи. Что за своеобразная дата? Если простолюдины означают иногда время праздника и постами, то это имеет свои причины, неприложимые к просвещенному составителю обвинительного акта. К чему в русском обвинительном акте еврейский календарь, если с ним не связываются, как в настоящем случае, указания на цель преступления, на его смысл и значение? Еврейская пасха не говорит, она кивает на цель похищения Сарры Модебадзе, и этот кивок вразумителен не менее слов. Нет, уж нечего шила в мешке таить. Надо поставить прямо вопрос об употреблении евреями христианской крови для религиозных и мистических целей. Не пугайтесь, господа судьи. Я не ставлю моей задачей подробный разбор этого вопроса с его исторической, литературной и религиозной сторон. С одной стороны, этого не позволяют мне размеры и характер судебных прений, с другой – мои суждения по этому вопросу, как не специалиста в еврейской истории и литературе, не могли бы быть самостоятельными и, как не основанные на непосредственном изучении источников, не могли бы, конечно, внести ничего нового в обширные работы, составившие богатую литературу вопроса. Не сомневаясь затем, что в ваших суждениях по настоящему делу вы постараетесь и сами устранить влияние возбуждаемого мною вопроса, я хочу только изложением немногих соображений представить некоторый противовес тому подозрению, на которое наводит невольно обвинение по настоящему делу, – подозрению, которое вы не в состоянии будете забыть или вычеркнуть из ваших мыслей и которое опасно в том отношении, что оно помимо вашего желания может оказать неотвратимое влияние на оценку внешних фактов дела, улики и доказательств виновности.

Вам, без сомнения, известна по крайней мере ближайшая часть литературы, относящейся к возбуждаемому мною вопросу. В 1876 году в русской литературе появилось сочинение Лютостанского. Родившийся евреем, бывший раввином, променявший одежды раввина на сутану католического ксендза, сутану на рясу православного иеромонаха и эту последнюю на сюртук мирянина, Лютостанский составил длинный, не хочу сказать, доказательный акт против евреев, погрешив в нем разом и против добросовестности честного человека, и писателя, ибо не указал главного источника своего сочинения – записки директора департамента иностранных исповеданий Скрипицына, составленной в 1844 году и в прошедшем году обнародованной в газете «Гражданин», – записки, относительно которой сочинение Лютостанского в значительной своей части представляет лишь перепутанную и извращенную перепечатку; погрешив и против серьезности и беспристрастности литературного исследователя, ибо в своей тенденциозной рекламе Лютостанс-

кий представляется неведающим такого серьезного сочинения по разбираемому Лютостанским вопросу, появившегося еще в 1861 году, каким представляется сочинение профессора Хвольсона, глубоко ученого гебраиста, всю свою долгую ученую жизнь посвятившего еврейской литературе и истории, человека, принявшего христианство по искреннему убеждению, человека честной жизни и безупречной нравственности, ветерана-профессора двух высших – светского и духовного учебных заведений.

Глубоко и серьезно, как истый добросовестный ученый, пользуясь всей обширной литературой вопроса, разбирает Хвольсон в своем сочинении вопрос об употреблении евреями христианской крови, подвергая его всестороннему обсуждению, разбирает шаг за шагом все доводы своих противников и основывает свои опровержения на непосредственном знакомстве с самыми отдаленными историческими и литературными источниками. Этим сочинением Хвольсона, с которым следовало бы почаще справляться нашим обвинителям и которое я стыжусь назвать противовесом сочинению Лютостанского, – до того они несоизмеримы между собой по своему характеру, – я прошу позволения воспользоваться, чтобы представить мои соображения по занимающему нас вопросу.

Древние христиане никогда не обвиняли евреев в употреблении христианской крови. Напротив, христиане первых веков сами были обвиняемы в употреблении крови, так что древние апологеты христианства, как Тертуллиан, Августин и другие, были вынуждены оправдывать христиан во взводимом на них обвинении. Замолкнувшее с победой христианства обвинение против них возобновилось уже со стороны христиан против евреев не раньше двенадцатого века и получило более значительное распространение лишь в тринадцатом веке. С тех пор и до конца шестнадцатого века кровавой полосой проходит в истории преследование евреев по разным случаям обвинения в умертвлении христианских детей с целью получения крови для разных религиозных, мистических и медицинских целей. Периодом особенной жизненности таких обвинений был период крайнего умственного застоя и невежества, суеверия и религиозного фанатизма. Детоубийство в средние века встречалось очень часто; чтоб избавиться от наказания за преступление, детоубийцы первые распространяли молву, что найденное убитое дитя есть дело рук ненавистных евреев. С другой стороны, средние века были по преимуществу веками выдумывания благочестивых обманов, чудес и убеждения людей посредством суеверия. Всякая местность нуждалась в чудотворных образах, местной святыне, местных чудотворных мощах или вообще в каких-либо средствах внушения благоговения. Мертвое дитя, убийство которого можно было взвести на евреев, являлось удобным случаем иметь своего местного мученика веры, свою местную святыню, привлекавшую своих и чужих и становившуюся доходной статьей не только для клерикальных уста-

новлений, но и для целой местности, куда привлекалась масса народа, спешившего доверчиво выразить свое благоговение провозглашенному мученику. Тысячи безвинно казненных, сожженных и замученных евреев и еще большие тысячи изгоняемых и преследуемых были плодом средневекового суеверия, невежества и фанатизма. Но уже до реформации были пастыри церкви, имевшие вес и значение в христианстве и не страшившиеся подозрения со стороны ученой и неученой толпы, а после реформации и многие миряне, которые ревностно заступались за евреев и смело ополчались на нелепое обвинение.

Многие папы, как Григорий IX, Климент VI, Сикст IV и другие, после тщательного рассмотрения оснований, на которые опирается мнение, будто евреи употребляют человеческую кровь и что ради этого они будто бы способны на убийство христианских детей, признавали и возвещали торжественно, что нет никаких доказательств, достаточно ясных и верных, чтобы признать справедливым существующее против евреев предубеждение и объявить их виновными в подобных преступлениях. Под влиянием оппозиции, шедшей из недр самого христианства, под влиянием реформации, успехов цивилизации и рационалистической критики, рушилось средневековое обвинение против евреев, и с половины семнадцатого века Западная Европа не знает уже процессов по обвинению евреев в употреблении христианской крови. Даже простые слухи о случаях добывания евреями мученической христианской крови исчезли, и в этом отношении обвинители евреев за полтора века могли сослаться только на один случай, и то последний, ничем не подтвержденный и имевший место в 1823 году в Баварии. С тех пор такие обвинения против евреев остались только в Польше, в наших западных губерниях и на Востоке – в Турции, Сирии и здесь на Кавказе. Но и в России в 1817 году было сделано заявление против взводимого на евреев обвинения. Под давлением этого заявления, под влиянием тех простых соображений, что убийство и употребление крови воспрещены коренными догматами ветхозаветной религии и талмудических учений, обвинение против евреев должно было ограничиться, сузиться до той формы и пределов, в которых оно могло бы еще владеть между легковверными людьми свое жалкое в последних позорных издыханиях существование. Теперь уже и ярый обвинитель еврейства, пожелавший выдать себя за хранителя христианских детей от изуверного неистовства, покусившийся, негодными, впрочем, средствами, возвести средневековую невежественную басню на степень историко-богословского исследования, Лютоостанский говорил: «Обычай употребления крови, не составляя вовсе религиозной принадлежности целого еврейства, составляет религиозную особенность невежественных фанатических талмудистов-сектантов». «Обряд этот, – говорит Скрипицын в своей записке, – не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже без всякого сомнения весьма немногим известен. Он существует только в секте хасидов, но и тут он составляет боль-

шую тайну, может быть не всем им известен и, по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется. Польша и западные губернии наши, служащие со времен средних веков убежищем закоренелого и невежественного жидовства, представляют и по ныне самое большое число примеров подобного изуверства, особенно губерния Витебская, где секта хасидов значительно распространилась». По поводу мнения Скрипицына я, прежде всего, должен заметить, что покойному директору департамента иностранных исповеданий, ведающего делами евреев, подобало бы знать, что секта хасидов появилась между евреями лишь около половины прошедшего столетия и распространилась постепенно в Литве, Польше и Галиции, а обвинение евреев в употреблении христианской крови возникло и жило в Западной Европе уже с двенадцатого века.

Далее, если Польша и наши западные губернии служат убежищем невежественного жидовства, как выражается Скрипицын, и представляют большую часть примеров изуверского умерщвления христианских детей, то не следует забывать и того, что эти же местности населены и другими племенами: русским, польским, литовским, которые в низких своих социальных слоях не представляют также высокой степени образования и культуры и которые наравне с евреями ждут просвещения от интеллигентных своих единоплеменников. Если невежественная масса еврейства способна, по мнению Скрипицына, представлять пример невежественного изуверства, то другая, не менее невежественная масса населения способна верить таким примерам со сказочным характером и в своей наивной вере давать суеверные толкования событиям, возбуждать подозрения и обвинения, которые отвергают здравый смысл и просвещенный взгляд, как невежественные и неоправдаваемые критически проверенной действительностью.

«В убийстве христианских детей, – говорит Лютоостанский, – обвиняет евреев не один народный голос: они неоднократно обвинялись в том и перед судом. В большинстве таких случаев собственного их сознания не было, несмотря ни на какие улики; но были, однако же, и такие примеры, что евреи сознавались сами, обличали своих родителей и родственников и потом, сознав свои религиозные заблуждения, принимали крещение». Что касается до ссылки на обвинительный народный голос, то не мешает помнить, что этим голосом надобно пользоваться с разбором, отличая в нем истинно народное, разумное, плод здравого смысла и понимания, от чужого, навешанного, предрассудочного и суеверного. Иначе с голоса народного пришлось бы усвоить много суеверий и несообразностей. Что касается до указаний на судебные производства, то, прежде всего я хотел бы обратить внимание на следующее. Страшным, кровавым заревом костров со многими тысячами погибших на них освещена история процессов о ведьмах, колдунах, чародеях, волшебниках, сознавшихся и уличенных в чародействе, в сношениях с нечи-

стой силой, в порче людей сверхъестественными средствами, в чернокнижестве и других мистических преступлениях. Куда девались теперь эти преступления? Они угасли вместе с кострами, освещавшими их, вместе с судами, их судившими. А были ведь то суды святой инквизиции, творившие суд во имя и славу божью, мнившие своими приговорами службу приносить богу. Судебные приговоры не возвели суеверия на степень истины; они только доказали, что суеверие порождало и питало эти самые приговоры.

Я не могу входить в разбор всех случаев судебных приговоров, приводимых в доказательство употребления евреями христианской крови. Но к чести русского судопроизводства, даже и дореформенного, следует сказать, что наши обвинители могут указать только единственный случай обвинительного приговора, в котором, впрочем, вопрос об употреблении крови устранен.

Прочие случаи подозрения против евреев или не выходили из сферы сплетен, не доходя до суда, а нередко, будучи даже категорически опровергнуты, или оканчивались оправдательными приговорами. Знаменитое велижское дело, на которое любят ссылаться в доказательство против евреев, окончилось тем, чем оно и должно было окончиться по всей справедливости. Государственный совет признал, что показания доносиц, заключая в себе многие противоречия и несообразности без всяких положительных улик или несомненных доводов, не могут быть приняты судебным доказательством против евреев и составляют ничем не подтвержденные изветы, за которые доносицы подвергнуты наказанию. Не менее знаменитое саратовское дело ждет своего исследователя, который подверг бы его весьма поучительному всестороннему исследованию с точки зрения исторической, историко-богословской, судебно-медицинской. Не пускаясь в такое исследование, я не могу не заметить, что саратовское дело рассматривалось в порядке старого судопроизводства, признанного несовершенным и недостаточным для достижения правильного судебного убеждения. Саратовское дело, рассмотренное теперешним порядком, — порядком перекрестного допроса и состязания сторон, может быть, разъяснило бы то недоумение и тот вопрос, который ставят обвинители евреев. Откуда, говорят они, эти одинаковым образом и умышленно искаженные трупы маленьких детей? Почему находят их там только, где есть евреи? Почему это всегда дети христиан? И, наконец, почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или около пасхи? Как объяснить, что могло побудить кого бы то ни было к бессмысленному зверскому поступку, если это не какая-либо таинственная кабалистическая или религиозно-изуверская цель? Отчего, переспрошу я в свою очередь, происходит то, что доносики и уличители евреев, являясь в таком качестве добровольно, заявляя искреннее желание открыть истину, показывая иногда даже раскаяние в своем соучастии в уличаемом ими преступлении, дают на следствии то и дело разноречивые, а иногда и прямо противоречивые показания? Отчего

масса подробностей в их показаниях оказывается очевидной и категорически опровергаемой ложью? Откуда в их разъяснениях, наряду по крайней мере с вероятным и возможным, является масса невероятного и недопустимого, очевидно выдуманного и ложного? Отчего обыкновенно только после многих передопросов и очных ставок, после многих усилий и разъяснений, сглаживания противоречий и устранения очевидных несообразностей оказывается возможность остановиться на чем-нибудь существенном? Отчего эти доносчики и уличители – всегда люди, которым терять нечего, люди самой нехорошей репутации? Отчего эти многочисленные, беспрестанно меняемые оговоры то утверждаемые, то отрицаемые и объясняемые или запечатыванием, или ошибкой? Эти вопросы напрашиваются сами собой при чтении дел велижского и саратовского. Если те и другие вопросы поставить одни против других, то разгадку найти нетрудно. Были выгоды в обвинении евреев в средние века, есть они и в наши дни.

Ребенка убивает и увечит тот, кто делает потом донос. При изувечивании держатся обыкновенно тех классических внешних признаков, понятие о которых держится в рассказах народных. Доноситель, по-видимому, сам себя предаст правосудию, но это только по видимому. В сущности, себе он отводит весьма скромную долю участия; он, обыкновенно случайный свидетель преступления, под влиянием угроз и страха, согласился вынести и скрыть труп, а потом под тем же влиянием не решался некоторое время донести о преступлении, но теперь под влиянием угрызения совести решается все открыть правосудию и выяснить дело. Раз он попал в роль разъяснителя дела, – его цель достигнута и карьера сделана. Теперь он – сила, человек великого значения. От его слова теперь зависит судьба многих. Теперь его бессовестный в глаза брошенный оговор может заставить дрожать человека сильного, считавшего его до сих пор ничтожеством. Теперь этот человек будет раболепно смотреть ему в глаза, заискивать в нем, убажывать, довольствоваться. Сам доноситель в остроге. Но что для него острог? Кому – тюрьма, а ему – родной дом. Он, пожалуй, и жизнь-то увидел с тех пор, как попал в тюрьму в качестве доносителя по важному делу. И смотритель тюрьмы относится к нему с почтением: не простой ведь воришка – генерал от преступления. И следовательно его ценит как человека, нужного для дела, которое воспламенило следователя своей грандиозностью. А в перспективе за собственное умеренно себе отмежеванное участие в преступлении – смягченное наказание, ввиду заслуг, оказанных по раскрытию преступления, как это и случилось по саратовскому делу. Вот, господа судьи, истинная, тяжелая разгадка недоумения, возбуждаемого трупами классически изувеченных детей. Смею вас уверить, эта разгадка взята прямо из опыта и ее справедливость поймет всякий, кому, подобно мне, была возможность долго изучать преступление, доносы и оговоры по живым лицам и воочию видеть примеры этих доносов и оговоров при порядках старого судопроизводства.

Простите, господа судьи, я, быть может, злоупотребляю вниманием вашим. Но, ввиду того высокого общественного значения, которое должен иметь настоящий процесс, первый гласный процесс по обвинению такого свойства, я желал бы исполнить долг мой не только как защитника, но и как гражданина, ибо нет сомнения, что на нас, как общественных деятелей, лежит обязанность служить не только интересам защищаемых нами, но и вносить свою лепту, если к тому представляется возможность, по вопросам общественного интереса. Я, впрочем, не буду многословен и хочу сказать только несколько слов о состоятельности других доказательств обвинения против евреев в употреблении христианской крови.

Люди, хорошо знакомые с еврейской литературой, даже те из них, которые враждебно относились к иудейству, пересматривали всевозможные еврейские книги, взвешивали самые ничтожные изречения в них, с целью обличения евреев, и все-таки не нашли ни малейшего намека на то, что евреям дозволяется употребление крови для какой-нибудь религиозной или врачебной цели.

Показания свидетелей, на которые опираются, опровергаются множеством крещеных же евреев, называющих обвинение в употреблении христианской крови клеветой и наглой выдумкой. К числу последних принадлежат лица, занимавшие по принятии святого крещения высокие посты в иерархии римско-католической церкви, и люди с высоким научным образованием. Это говорю не я; это говорит профессор Хвольсон; это говорит в своей рецензии на книгу Лютостанского русский протоиерей Протопопов, который, конечно, не может быть заподозрен в угодливости еврейству. На какие же, однако, литературные и ученые авторитеты опирается в своем обвинении Лютостанский? Монах Неофит, Серафимович и его воспроизводитель Цикульский, унтер-офицер Савицкий, Федоров, крещеный еврей Грудинский, Мошка из Медзержинца, работница Настасья, солдатка Терентьева, Максимова. Вот, кажется, все его авторитеты. Относительно монаха Неофита трудно решить, говорит Хвольсон, был ли он в самом деле крещеный раввин или назвался крещеным раввином и монахом для того, чтобы придать более веса своему произведению. Серафимович находился в сумасшедшем доме, составил басню о своем чудесном исцелении и, найдя себе, благодаря этой басне, гостеприимный уголок в стенах монастырской обители, написал сочинение против евреев, ссылаясь на Талмуд, столь мало ему известный, по удостоверению Хвольсона, что он дает его трактатам вымышленные заглавия и цитирует параграфы, тогда как Талмуд вовсе не делится на параграфы. С беззастенчивой развязностью Серафимович уверяет, что одни литовские евреи употребляют ежегодно 120 штофов крови и что он сам, будучи еще раввином, заколол одно христианское дитя ударом в бок, откуда вытекла осьмушка крови, белой, как молоко. Если с этими 120 штофами ежегодной надобности крови сопоставить показание одной свидетельницы по саратовскому делу, гово-

рившей, что за бутылку крови было прислано евреям шесть миллионов из Волынской губернии, вы поймете, во сколько должно обходиться литовским евреям удовлетворение одной из их религиозных потребностей. Говорить ли о других авторитетах Лютоостанского? Вот его собственная аттестация о них. Федоров уличен был в неправильных показаниях, когда вздумал пускаться в подробные объяснения. Многие из показаний Грудинского оказались неправильными. В этих же видах, есть основание полагать, не было принято властями и предложение Савицкого, который брался обнаружить все относительно употребления евреями крови. Максимова, аттестует ее Лютоостанский, была безнравственная женщина, верная слуга за деньги и вино; Терентьева – сомнительной репутации, готовая на все, как и Максимова, за те же деньги и водку. Не много прибавляют к этим авторитетам и разные свидетельские заявления тех принявших христианство евреев, которые меняли свою религию не вследствие искреннего убеждения в правоте христианства, а ради избавления от предстоявшего наказания, тех или других выгод или просто потому, что им все едино было оставаться негодяями и бездельниками как в еврействе, так и в христианстве, в которых ровно ничего не потеряло еврейство и не приобрело христианство.

И на таких авторитетах хотят утвердить существование кровавого дела. Такие авторитеты противопоставляются людям науки и религии. Мало того, по таким авторитетам хотят устанавливать догматы. Когда рассуждавшие об умерщвлении евреями детей встретились с весьма естественным вопросом, отчего евреи, умерщвляя ребенка и оставляя на нем очевидные знаки своего изуверства, вроде обрезания, кровотоочивых ран и прочее, не скрывают подобных трупов, к чему они имеют все средства, будучи солидарны между собой, а, напротив, как будто нарочно выставляют их напоказ в таких местах, где их тотчас же находят, то один из авторитетов, Мошка из Меджержинца, объяснил, что это противно их вере и что по требованию религии убитого младенца нужно выкинуть или пустить на воду, а не зарывать, а Настасья присовокупила, говорит Лютоостанский, что еврейка – хозяйка ее сказала ей, что если бы предать труп земле, то все евреи погибли бы. Если Мошку и Настасью считать хранителями догматов, хотя бы и сектантских, то можно составить такую догматику перед которой, пожалуй, сконфузятся и самые беззастенчивые обвинители еврейства. Средневековое суеверное предубеждение, порожденное и поддерживавшееся варварством и невежеством, стоившее многих жертв и страданий для еврейского племени, покончило в Западной Европе свое существование при свете истины просвещения, цивилизации и гласности. Оно живет еще, оно, надеемся, доживет свой век у нас. Оно держится в тайниках того же породившего его невежества и добродушного легковерия, доступного всему фантастическому, странному, необычайному; оно поддерживается корыстным обманом, оно питается непроверенными слухами, не знающими и не хотящими знать своих оснований; оно

существует еще, благодаря архивной и канцелярной тайне судебных разбирательств прежнего времени, благодаря тому, что еще мало света внесено во все те обвинения, которые возникли в разное время против евреев в употреблении ими христианской крови; оно повторяется от времени до времени теми, кто не хочет знать критики, поверки и для кого создать обвинение – значит уже доказать его, для кого всякий спор и борьба против их гнусных замыслов и мнений есть дело нечистое, недобросовестное, позорящее репутацию честного человека, навлекающее на него подозрение в наемной продажности. Суеверие живет, благодаря только глупости и наглому обману, но оно должно перестать жить.

Тяжелое время пришлось пережить девяти несчастным подсудимым, отцам и детям, вместе перенесшим долгие месяцы тюремного заключения, тяжкого обвинения, непосильного спора за свою невинность, борьбы за право оставаться тем, чем они родились. Тяжело пережитое несчастье, но оно, не сомневаемся, будет искупительной жертвой, полных благих последствий. Несколько дней, и дело, которое прошло перед вами в живых лицах, станет достоянием всей читающей России. Много поучительного представит оно русскому общественному мнению. Встанут в своих арестантских халатах эти страдалцы тюрьмы, выдвинется эта тень 60-летнего старика, вместе с сыном разделяющего тяжкое несчастье, запечатлеются в памяти эти изуверные последователи легально свободной и нелегально презираемой религии.

Пройдут и люди свободы, судом не опороченные, прокурором не заподозренные, к следствию не привлеченные, – люди христианства, религии мира и любви; откроет шествие отец, принесший сюда на суд тяжкое горе о гибели своего ребенка, но отец, который из гибели этого ребенка задумал извлечь приличную выгоду и, смотря на 6-летнего дитя, как на подспорье в хозяйстве, оценил его в 1000 рублей. Увидят эту старуху-бабку, со вздохами прижимающую к груди рубище своей погибшей внучки и без вздоха, без сожаления, без сострадания к чужой судьбе говорящей наглухо ложь о виденных будто бы ею порезах на ногах трупа. Пройдут и мать, и сестра умершей, повторяющие без совести ту же ложь, лишь бы помочь своему отцу и мужу получить желаемую выгоду ценой осуждения людей, в невинности которых они сами не имеют повода сомневаться. Пройдет и серия самых достоверных лжесвидетелей, готовых помочь своему собрату обобрать несчастного при счастливой удаче и которые по несчастью оказались очень глупы, чтобы не обнаружить лживости своих показаний. Увидит русское общественное мнение, к каким последствиям приводит легкомысленное отношение к басням, питающим племенную рознь и презрение к религии, когда-то первенствовавшей и давшей соки самому христианству. Заставит это дело и нашу печать пересмотреть те основания, на которых зиждется обвинение евреев в употреблении христианской крови. Ретроспективным светом озарит настоя-

щее первое гласное дело по обвинению такого свойства и прежние судебные негласные процессы. Оно зазмет бесовестные рты многим, которые в прежних оправданиях видели подкупы и происки евреев. Оно объяснит, отчего лучшие представители еврейства не оставались глухи и немые по поводу тяжких обвинений. Оно напомним русским людям о справедливости, одной справедливости, которая только и нужна, чтобы такие печальные дела не повторялись. Скажет настоящее дело свое поучительное слово и нашим общественным деятелям, держащим в своей власти нашу честь и свободу. Оно скажет русским следователям, что не увлекаться им следует суеверием, а господствовать над ним, не поддаваться вполне лжесвидетельству и ложномуговору, а критически относиться к фактам и воспринимать их после тщательной всесторонней проверки, для которой даны им законами все средства. Оно скажет русским прокурорам, что дороги и любезны они обществу не только как охранители общества от преступных посягательств, но и в особенности как охранители его от неосновательных подозрений и ложных обвинений. Оно скажет и следователям, и прокурорам, что для правильности судебного убеждения нужен тяжелый труд изыскания реальной правды, а не полет воображения художественно правдивого драматурга. Оно, не сомневаемся, привлечет внимание и высшего представителя прокуратуры в здешнем крае в сторону тех, благодаря заведомому лжесвидетельству которых создалось настоящее дело, и укажет более твердую и вполне надежную почву для выполнения тяжелого долга обвинения.

Я окончил, мне не очень нужно просить вас, господа судьи. То, что составляет конечную цель защиты, вы дадите нам не в силу нашей просьбы, а в силу вашего убеждения и справедливости. С полным спокойствием за участь защищаемых мною, непоколебимый никакими опасениями, я вручаю судьбу их вашей мудрости и правосудию. И да будет настоящее дело последним делом такого свойства в летописях русского процесса.

Описание дела Сарры Модебадзе

По настоящему делу суду была предана группа евреев — жителей местечка Сачхери, Шаропанского уезда, Кутаисской губернии, обвинявшихся в похищении и умерщвлении 6-летней девочки Сарры Модебадзе. Цель похищения Сарры Модебадзе предварительным следствием установлена не была, однако все пункты обвинительного заключения были сформулированы таким образом, что невольно наталкивали на мысль о совершении преступления из религиозных и мистических побуждений.

Сарра Модебадзе пропала накануне еврейской пасхи, то есть накануне дня, когда, по старинным преданиям и легендам, евреи якобы используют

христианскую кровь в ритуальных целях. Это обстоятельство, а также ряд косвенных улик, свидетельствовавших о том, что в момент пропажи Сарры Модебадзе неподалеку от нее проезжала группа евреев, и послужили основанием для привлечения их всех в качестве обвиняемых по делу. Обстоятельства настоящего дела весьма подробно рассматриваются в речи защитника, поэтому подробное их описание представляется нецелесообразным. Необходимо, однако, подчеркнуть, что настоящее дело представляет большой интерес с двух сторон. Во-первых, речь П. А. Александрова является блестящим образцом судебного красноречия: наряду с ее стройностью, логичностью, четкостью языка и формулировок, она характеризуется исключительно, умелым и талантливо проведенным разбором дела и доказательственного материала, на который опиралось обвинение. В результате чего все доводы обвинительного акта были опровергнуты, и судьям ничего не оставалось иного, как вынести оправдательный приговор всем подсудимым. Кроме того, речь П. А. Александрова весьма интересна и с точки зрения ее общественно-политического содержания и звучания. Защитник очень тонко и красноречиво нарисовал картину, отражающую собой существо национальной политики царского правительства. Известно, что в целях удержания своего господства царское правительство стремилось разжечь Рознь и недоверие между различными народностями и национальностями, населяющими Россию. В качестве одного из приемов развития национальной розни неоднократно устраивались и провоцировались еврейские погромы. Поводами для организации погромов нередко служило искусственное создание ситуаций, позаимствованных из религиозных преданий, о том, что якобы перед пасхой евреи похищают и умерщвляют младенцев для использования из мистических побуждений христианской крови. Красной нитью через всю речь П. А. Александрова проходит мысль о том, что и в данном деле немаловажную роль сыграло явное стремление использовать эти древние заветы.

Разбирая обстоятельства дела, П. А. Александров разоблачает антинациональную политику царского правительства, направленную на разжигание вражды между народами. Как грозный обличительный акт звучат слова П. А. Александрова, произнесенные им в заключительной части речи: «Несколько дней, и дело, которое прошло перед вами (обращение к суду. – Ред.) в живых лицах, станет достоянием всей читающей России. Много поучительного представит оно русскому общественному мнению... Увидит русское общественное мнение, к каким последствиям приводит легкомысленное отношение к басням, питающим племенную рознь... Заставит это дело и нашу печать пересмотреть те основания, на которых зиждется обвинение евреев в употреблении христианской крови. Ретроспективным светом озарит настоящее гласное дело по обвинению такого свойства и прежние судебные негласные процессы... Скажет настоящее дело свое поучительное слово и нашим общественным деятелям (разрядка наша. – Ред.), держащим в своей власти

нашу честь и свободу... Оно скажет русским следователям, что не увлекаться им следует суеверием, а господствовать над ним, не поддаваться вполне лжесвидетельству и ложному оговору, а критически относиться к фактам... Оно скажет русским прокурорам, что дороги и любезны они обществу не только как охранители общества от преступных посягательств, но и в особенности как охранители его от неосновательных подозрений и ложных обвинений... Оно, не сомневаемся, привлечет внимание и высшего представителя прокуратуры в здешнем крае (имеется в виду Закавказье. – Ред.) в сторону тех, благодаря заведомому лжесвидетельству которых создалось настоящее дело... И да будет настоящее дело последним делом такого свойства в летописях русского процесса! »

Настоящее дело рассматривалось Кутаисским окружным судом 5 – 12 марта 1879 г.

По настоящему делу судом был вынесен оправдательный приговор.